

16+

Леонид Дюк

ТЕОРИЯ ПОЛЯ

Леонид Дюк
Теория поля

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Дюк Л.

Теория поля / Л. Дюк — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Наука и эзотерика едины, ибо миром движут одни законы. Постичь их можно разными способами, зачем же отвергать мудрость древних и великую силу веры? Западную науку движут теории, что означает «познание». «Познающий поле» в восточной ведической философии стремится разобраться в законах мироздания, постичь смысл жизни. Таким образом, в названии, как и в самой книге, на примере судеб главных героев причудливым образом переплетены актуальные научные взгляды, необычные гипотезы и сакральные эзотерические знания. Имеющий глаза да увидит! Собери воедино этот сложный пазл мироздания.

© Дюк Л., 2015

© ЛитРес: Самиздат, 2015

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	64

ॐ भूर्भुवः स्वः ।

Часть I

Глава 1

Они беседовали уже больше двух часов, сидя рядом в мягких удобных креслах перед мирно потрескивающим камином на старой профессорской даче. Арсений любил приезжать сюда. Дело было даже не в уютной, спокойной атмосфере, которая всегда здесь заботливо скрывала его от любых невзгод и проблем внешнего мира, будто бы укутывала и тело, и душу мягким, пушистым пледом. И не в традиционном шотландском виски, которым его здесь неизменно потчевали. Хотя, согласитесь, приятно наслаждаться жарким треском камина и стаканчиком почтенного, благородного напитка, когда за окном стоят февральские морозы и температура уже третью неделю не поднимается выше минус двадцати. И даже не в этой удивительной, не похожей ни на что беседе, когда два человека настолько понимают друг друга, что мысли словно бы обретают материальные формы. А главным образом потому, что он был уверен: ему здесь всегда рады. Рады безусловно и искренне, пусть даже радость эта редко выражалась словами и почти никогда эмоциями. Он просто знал это как некую непреложную истину. Знание возникло как-то незаметно, не сразу, но потом, со временем, постепенно укоренилось, укрепилось и в конце концов уже окончательно поселилось в его сознании.

Они были знакомы очень давно. По меркам Арсения Козырева, которому минувшим августом исполнилось 22 года, они были знакомы всю жизнь. Учитель и ученик, профессор и студент, гуру и шишья². Учителя звали Евгений Михайлович Малахов. Он действительно был доктором физико-математических наук, профессором, членом-корреспондентом РАН. И на самом деле являлся в своей области, как это принято говорить, ученым с мировым именем. На деле этот эпитет означал, что любой человек в любом местечке земного шара, сколь-нибудь серьезно занимающийся изучением ядерной физики, был так или иначе знаком с работами Евгения Михайловича. Еще бы, ведь многие идеи, которые ныне стали общепризнанными и на которых строилось теперь большинство современных теорий, родились когда-то именно в его гениальной голове. Арсения он по праву считал своим самым способным, талантливым и любимым студентом.

Козырев был высоким, атлетически сложенным юношей. Возможно, излишне худощавым и немного сутулым. Сказывались детские комплексы: превосходя по росту почти всех своих сверстников, подсознательно он старался выглядеть чуть ниже, чем это было на самом деле. Молодой человек имел мужественные, но правильные черты лица. Пожалуй, его можно было назвать приятным или даже симпатичным. Начиная со старших классов средней школы, дабы придать своей внешности некоторую индивидуальность, подчеркивал ее сначала усами, а позднее еще и небольшой шкиперской бородкой, настолько коротенькой, что ее легко можно было принять за брутальную небритость.

² Шишья – ученик гуру. В восточной философии ученик должен не просто искать совершенных знаний, он должен их лично получать от квалифицированного учителя, с которым его связывают особые отношения. От учителя к ученику передавался прежде всего ритуал, являющийся чрезвычайно сложной, иерархизированной системой сакрального поведения, представляющей собой трудно передаваемое в научных терминах единство слова, действия и ментального образа. Повторяя в процессе обучения речевые, физические и ментальные компоненты деятельности учителя, а также мотив ее осуществления, ученик воспроизводил в себе его личность с изумительной полнотой и точностью. Отсюда следует, что главной целью обучения было воссоздание не священного текста или обряда, а самой личности учителя, новое духовное рождение от него ученика.

Родители Арсения принадлежали к тому же научному кругу, что и Евгений Михайлович. Они вместе заседали на скучных ученых советах, часто встречались на различных конференциях, семинарах и симпозиумах. «У нас на научном Олимпе», – так любила называть эти мероприятия мать Арсения. Любили устраивать шумные вечеринки в московском Доме ученых, выезжали вместе на веселые пикники и просто приходили друг к другу в гости отметить Новый год или день рождения. Арсений с детства привык к этим жизнерадостным «дядям» и «тетям», которые громко смеялись над шутками друг друга, играли с ним в футбол, катали на мотоцикле или учили съезжать с горы на лыжах. Конечно, умом он и тогда понимал, что все эти вполне обычные и совершенно привычные для него люди занимаются на работе чем-то невероятно серьезным и сложным. Особенно когда за праздничным столом разговор вдруг делался абсолютно непонятным для его детского восприятия. И все же для него они всегда оставались очень близкими людьми. Без каких-либо оговорок. Абсолютно своими.

Дядя Женя, с серьезным видом зайдя в рабочий кабинет матери Арсения, Ноны Алексеевны, вдруг становился добрым и радостным, обнаружив в кресле заведующей кафедрой делового малыша, сосредоточенно пытавшегося прикрутить дверную ручку к модели новейшего детектора элементарных частиц, и только успевал где-то в подсознании отметить, что ручка вписывается в дизайн прототипа необычайно удачно, будто конструкторы специально готовили для нее это место. И тут же забывал и про ручку, и про реактор, и про ту проблему, с которой пришел к коллеге, полностью погружаясь в водоворот идей и свершений юного гения.

Арсений уже тогда выделял среди прочих родительских друзей и знакомых именно этого человека: с одной стороны, простого и доступного, а с другой – безумно интересного и необычного. Тянулся к нему со всей своей детской непосредственностью, ощущая, видно, где-то на нематериальном уровне их духовную близость. Евгений Михайлович тоже был весьма расположен к этому забавному малышу, отмечая его оригинальные, необычные для ребенка суждения. Всегда защищал его перед родителями, если тому случалось набедакурить. А случаи таковые происходили нередко, и притом весьма серьезные. Например, внезапное возгорание в кладовке после одного не вполне удачного физического эксперимента, когда только чудом удалось избежать большого пожара, а быть может, и еще более трагических последствий. А однажды профессор даже уговорил родителей прямо посреди учебного года отпустить Арсения с его танцевальным коллективом на целых две недели выступать с концертами по области. Арсений тогда пребывал в полном восторге! И даже не ясно, что его прельщало больше: то ли возможность лишний раз побыть в компании своей партнерши, девочки внешне весьма привлекательной, то ли общее ощущение своей исключительности, которое заключалось в официальной возможности не посещать школу.

Чуть позже, когда Арсений немного подрос и уже учился в старших классах, ему открылись новые необычные грани своего взрослого друга. Евгений Михайлович увлекался йогой, имел неплохие экстрасенсорные способности и даже время от времени применял их на практике, изучал эзотерику, да и вообще с глубоким уважением относился ко всей восточной философии в целом. Данный факт сыграл немаловажную роль в описываемых нами событиях. Как это часто бывает, хобби оказало влияние и на основную деятельность. Пытливый ум ученого постоянно искал и часто находил подтверждения эзотерических постулатов в реальных физических явлениях. Это увлечение в итоге и задавало направление научных работ Малахова, результаты которых, в свою очередь, стали основой для тех открытий, которые позже совершил его лучший ученик и которые столь коренным образом повлияли на устройство всего мирового сообщества.

Именно от Малахова Козырев впервые в жизни услышал о тех научных феноменах, которые имеют фактическое подтверждение своего существования, но не вписываются в стандартные каноны современной науки и часто воспринимаются людьми как нечто невозможное, загадочное, сверхъестественное или даже волшебное. Телепатия, телекинез, левитация,

полтергейст, материализация объектов, скрытые возможности человеческого разума. Все это имело многочисленные свидетельства очевидцев, начиная от писаний древних времен и заканчивая современными, иногда очень свежими, фактами. Кроме того, живой ум ученого не мог не отметить схожесть постулатов всех основных мировых религиозных конфессий, которые разными словами, вложенными в уста пророков, учат нас одним и тем же прописным истинам, а мы так и не можем все еще до конца их постичь.

После окончания школы встал вопрос выбора профессии. В главном сомнений не было: технический склад ума требовал применения в соответствующей области человеческой деятельности. С детства обожавший все, что связано с компьютерами и, несмотря на свой юный возраст, имевший уже довольно много собственных разработок, он видел себя программистом, системным аналитиком или кем-то еще в этом роде. А началось все с детского марсохода, который управлялся элементарной программой, предварительно задаваемой ребенком. Несмотря на кажущуюся простоту нехитрых команд, на практике требовалось немало усилий, чтобы заставить игрушку добраться из детской до кухни, напугать маму одновременным залпом из всех орудий и благополучно вернуться обратно. К тому же конструкторы забыли предусмотреть возможность внесения изменений в программу. Каждый раз, чтобы исправить ошибку, приходилось заново набирать все команды. Потом были программируемые калькуляторы, карманный компьютер с единственной строкой экрана и встроенным компилятором языка Бейсик, привезенный отцом из-за границы. Затем – большие машины в вычислительном центре родителей, где приходилось долго и нудно набивать код на перфокарты, и, наконец, собственный персональный компьютер, подаренный на 1 сентября 1991 года, когда Арсений пошел в выпускной класс школы. К моменту получения аттестата зрелости для него уже практически не осталось белых пятен в устройстве этого электронного агрегата.

Мать и отец, напротив, всей своей родительской душой желали, чтобы сын пошел по их стопам, продолжил семейную традицию, использовал богатейший набор полученных результатов, развил все созданные ими теории и добился практического применения открытых физических явлений. Они говорили ему, что информационные технологии – это прикладная наука, что она не способна существовать сама по себе, а является лишь инструментом для настоящих, подлинных ученых. Что, выбрав эту специальность, Арсений всю жизнь будет вынужден довольствоваться второстепенной ролью, быть подручным у настоящих, признанных мастеров, выполняя задачи лишь по обслуживанию значимых и интересных проектов. Мать говорила о том, какую помощь в его карьере могут оказать обширные родительские связи, их многочисленные друзья, знавшие Арсения с самого детства, и их репутация, заслуженная тяжелым трудом всей жизни. Как удобно защищать диссертацию в совете, состоявшем сплошь из родственников, знакомых и собственных научных руководителей. Однако все эти доводы казались мальчику абсолютно незначительными и не имели ни малейшего отклика в его непреклонной душе.

Тогда мать, зная, как сын обожает Малахова, привела последний, оказавшийся решающим и истинно убийственным, аргумент: в случае выбора традиционной семейной специализации учиться Арсений будет непосредственно у Евгения Михайловича. Против такой перспективы сын устоять не смог: он успел сильно привязаться к профессору и даже тайно считал его своим духовным наставником. Кроме того, его сильно впечатляли необычные способности Малахова. Быть может, в сравнении с признанными, знаменитыми провидцами и экстрасенсами ему и не удалось добиться столь уж заметных успехов, но для Арсения он представлялся настоящим, подлинным мастером. Максимум, что удавалось самому Арсению при всем его старании, – лечить головную боль у близких ему людей.

Преподавателем Евгений Михайлович был превосходным! Студенты не просто его любили, они его боготворили! Он никогда не ставил своей целью формально выполнить программу обучения, поставить побольше хороших или плохих отметок. Основной задачей он

считал передачу всех своих знаний студентам. Каждому столько, сколько тот способен воспринять. Его лекции заставляли студентов открывать рты от удивления и восхищения. Его практические занятия больше походили на дружеский диалог, совместный мозговой штурм, в котором профессор являлся таким же точно участником, как и все остальные. Ему приходилось лишь изредка тонко и незаметно направлять дискуссию в нужное, правильное русло. Он никогда ничего не писал на доске. Даже если требовалось объяснить что-то новое и сложное, он предпочитал отдать инициативу в руки одного из студентов, чтобы тот при активной помощи всей аудитории, управляемой грамотной рукой преподавателя, самостоятельно добился нужного результата. И студентам не было скучно. Каждый из них, кто хоть что-то подсказал, чем-то помог, подкинул мысль или просто сумел самостоятельно открыть для себя что-то новое, чувствовал себя первопроходцем, настоящим исследователем, подсознательно ставил себя в ряд умудренных и признанных гениев, постигших то же самое, просто немного раньше него. Малахов старался руководствоваться принципом, провозглашенным самым уважаемым им человеком, Альбертом Эйнштейном: «Я ничему не учу своих учеников, я лишь создаю условия, в которых они сами научатся». И все же он учил! Он учил не признавать авторитетов, он учил думать, он учил находить решения. Он готовил будущих ученых!

* * *

Дача у Малахова находилась в Малаховке. Сей факт являлся излюбленной шуткой для всех знакомых Евгения Михайловича. Сам профессор не называл свою дачу иначе, как «родовое поместье», хотя ничего общего с фамильным наследством у этого домика не имелось. Дачу он получил еще в советские времена как известный и заслуженный ученый. Вполне добротный и просторный дом уютно расположился на участке в 15 соток посреди векового соснового леса. Наличие магистрального газа позволяло использовать дом для круглогодичного проживания, однако зимой семья Малаховых появлялась там в основном по выходным – сказывалась удаленность от работы.

Евгению Михайловичу исполнилось в этом году 60 лет, но он до сих пор пребывал в хорошей форме – стройный, подтянутый и спортивный. Душой же он был так же молод, как и Арсений. В тяжелые для всей российской науки постсоветские годы он не утратил своего оптимизма, хотя временами приходилось весьма непросто – денег не хватало даже на самое необходимое. Помогали накопления, созданные за времена, когда интеллектуальная элита страны в целом была хорошо обеспечена. Повзрослевшие дети не оставляли без внимания, а зарубежные коллеги, зная его любовь к благородным напиткам, считали своим долгом непременно снабдить Малахова бутылочкой-другой по поводу и без.

Прошли годы, жизнь изменилась в лучшую сторону. Приноровившись к реалиям капиталистического общества, Евгений Михайлович иногда стал получать более или менее выгодные предложения на практические исследования в своей области. И хотя он всю жизнь занимался преимущественно фундаментальной наукой, теперь позволял себе иногда отвлечься от высшей цели ради обеспечения себе и своим сотрудникам приемлемых условий существования.

* * *

Малахов уже давно ждал визита Козырева. Университет окончен: государственные экзамены сданы, дипломный проект защищен. Определяющий момент жизни, переломная точка, перекресток многих дорог. Принятое сейчас решение может определить жизнь на многие годы вперед. Может увести ее линию далеко в сторону от предначертанного пути, а может провести тернистым путем к лучшим свершениям или спокойному счастью. Арсений не мог обойтись без совета наставника, не мог не узнать его мнения. Несмотря на то что учитель и ученик

много времени проводили вместе, они никогда еще не говорили о профессиональных перспективах юноши. И сейчас, наслаждаясь теплом трескучего камина, под стаканчик двадцатилетнего односолодового виски мужчины неспешно обсуждали варианты будущей карьеры молодого ученого.

Евгений Михайлович поднялся с кресла, подошел к небольшому холодильничку, оформленному, как и весь остальной интерьер небольшого каминного зала, в том же утонченно-благородном стиле старой, колониальной Англии, и достал из морозильника несколько серовато-белесых кубиков. Кинул по парочке в каждый из стаканов. Стеатитовые камни³ обладали гораздо большей теплоемкостью, нежели традиционный лед, быстрее остужали благородный напиток, но, главное, они не таяли и не разбавляли его водой, позволяя полностью сохранить изначальный вкус и аромат.

Неторопливый разговор за стаканчиком виски – исключительно мужской ритуал. Уютная атмосфера, нехитрая сервировка миниатюрного деревянного столика, приглушенный свет, треск жарко пылающего камина – и вот уже сложные проблемы отступают, теряют свою важность, значимость, явственно проступают из тумана неопределенности очертания возможных вариантов их успешного разрешения.

– Я получил предложение от Акименко, зовет в свою лабораторию. Обещает прислать заявку на распределение, мы ведь сейчас сами себя трудоустраиваем, – сообщил Арсений своему научному руководителю.

– В этом можно было не сомневаться, он же присутствовал на твоей защите.

– У него там сейчас ничего конкретного нет. Есть только несколько идей и уверенность в том, что так или иначе проекты будут.

– У Акименко хорошая лаборатория, да и людей он подбирать умеет. Ему бы интересных задач, он бы горы свернул. А сейчас самому себе приходится хлеб искать. Впрочем, оклад инженера он тебе в любом случае обеспечит.

Они помолчали. Арсений смотрел на горящие угли камина и прокручивал в своей голове различные варианты и предложения. Евгений Михайлович размеренно и сосредоточенно набивал табаком трубку. Казалось, что это занятие полностью поглотило все его мысли. На самом деле он в очередной раз продумывал, что же он сам лично как заведующий кафедрой мог бы предложить своему лучшему выпускнику. Закончив с трубкой, он протянул ее Арсению:

– Попробуй. Настоящий бриар⁴, голландская, старых мастеров. Мне недавно подарили.

Арсений не любил курить, но иногда в компании профессора соглашался. Атмосфера располагала. К тому же табачный дым успокаивал и позволял отвлечься от посторонних мыслей. Затянувшись сладковатым ароматом, удивительным образом сочетавшимся с выпитым виски, он продолжил:

– Профессор Романский из института ядерных исследований давал отзыв на мой диплом. Я был у него. Тоже приглашает к себе. Говорит, что есть интересная тема. Собирает команду.

– Я знаю его тему. Она не совсем твоего направления. Хотя, с другой стороны, и усилий особых от тебя не потребует. Он согласен оформить тебя совместителем?

³ Стеатитовые камни – талисман людей, занимающихся исследованиями. Кроме того, многие медиумы используют стеатит как инструмент для развития сверхъестественных способностей. Это камень шаманов и колдунов. Практикующие маги утверждают, что стеатит испускает практически такие же вибрации, как и человеческий мозг. В нем сильна энергия Ян. Медитация с этим камнем помогает развить ясновидение, яснослышание и другие паранормальные свойства. Своему хозяину талисман поможет избавиться от недобрых мыслей и побуждений, раскроет тайны Космоса, придаст мыслям ясность.

⁴ Бриар – материал из плотного древовидного нароста (корнекапа) между корнем и стволом кустарника эрики древовидной (*Erica arborea*) семейства вересковых. Средиземноморский бриар, выросший на сухих почвах, содержащих высокое количество кремния, даёт необходимое по качеству, жаростойкости и прочности сырьё для производства трубок. Кремниевая кислота не дает трубке гореть, а пористая структура бриара превосходно впитывает влагу, образующуюся при курении. Для развития такого бриара необходимо от 30 до 40 лет, но лучшие заготовки получаются из 80–100-летних деревьев.

– Думаю, да. Хотя конкретно мы с ним ничего не обсуждали. Но он сказал, что программу, которую я писал для дипломного проекта, можно использовать почти без доработок и для его целей.

– Хорошо, – задумчиво проговорил профессор, – а я все думал, как бы мне убедить тебя остаться в науке после окончания университета. Будешь работать у Акименко, плюс кое-что получишь в ИЯИ, ну и я тебе тоже какую-нибудь тему подкину. Глядишь, и получится свести концы с концами. Курочка по зернышку клюет.

– Работать на трех работах?

– Так ведь тебе и появляться-то нигде практически не придется. Можешь работать из дома. Изредка, конечно, будешь заезжать, эксперимент, там, провести да за зарплатой.

Арсений улыбнулся. Он прекрасно понимал лукавство профессора. Понимал он и то, что Малахов всеми силами пытается найти достойную возможность для своего ученика применить себя в выбранной когда-то профессии.

– В универе висит объявление, – продолжал перечислять молодой человек варианты своей будущей деятельности, – итальянская консалтинговая компания приглашает выпускников университета и аспирантов для работы программистами в области телекоммуникаций. Я прошел тесты и собеседование. Никаких специальных вопросов. Только на сообразительность и на знание английского. Жду результатов. Окончательное решение принимают в Италии. Три месяца обучения здесь, потом две недели стажировки там. Зарплата для начала раза в три больше, чем в сумме получится по всем трем научным предложениям.

– Все ж таки, ты опять опускаешься до банального программирования!

– Но я люблю программировать, и у меня получается.

Евгений Михайлович встал. Взял пару поленьев и подкинул их в камин. Посмотрел на огонь. Подошел к окну. Некоторое время задумчиво взирал на улицу. За окном шел снег. Стукались ранние зимние сумерки. Крупные для столь морозной погоды снежинки элегантно кружились в медленном, завораживающем вальсе и затем, приближаясь к поверхности земли, густо стелились на всех предметах, сплошь покрывая открытое пространство равномерным белесым ковром. В нарушение всех законов физики, словно иронизируя над убеждениями заслуженного ученого, одна из снежинок внезапно замерла на промерзшем оконном стекле, удерживаемая неведомой силой на абсолютно гладкой вертикальной поверхности прямо перед задумчивыми глазами пожилого профессора. Строгие четкие линии сверкающих водяных кристалликов, пересекающихся в каждом из шести направлений под абсолютно одинаковыми углами, делали неподражаемый, неповторимый узор снежинки великолепно красивым, потрясающим, волшебным! Особенно в глазах человека, умевшего по достоинству оценить гармонию порядка и привыкшего за долгие годы исследований угадывать за внешней красотой функциональную оптимальность. Некоторое время он разглядывал ее в молчаливой прострации, пытаясь с помощью идеально симметричной формы этого естественного творения удивительной природы придать некое подобие порядка и собственным тяжким мыслям.

– Снег пошел. Должно быть, немного потеплеет, – он вернулся и сел в кресло. – Знаешь, что я тебе скажу. Скажу не как заинтересованный в тебе человек, а просто как твой друг. Я считаю, что в жизни нельзя желать денег. Деньги – абстрактное понятие, человеческая душа не умеет оперировать абстрактными понятиями. Нет, ну действительно, сами по себе ведь эти бумажки нельзя ни для чего использовать. Они даже в качестве салфетки не годятся. Деньги – это условность. Желай чего-то конкретного. Именно желай, а не мечтай или думай. Как чего-то такого, что не может не произойти. И будь уверен, что это непременно случится. Просто нужно дать время, дабы природа успела осуществить твоё желание. А сам думай о том, как наилучшим образом сделать то, что ты лучше всего умеешь. Сосредоточь усилия на этом. «Стремись

не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, чтобы твоя жизнь имела смысл»⁵. И тогда – все остальное неизбежно приложится! И результат, и успех, и слава, и достаток. Чего там еще тебе хочется?

– Да я не решил еще ничего! – эмоционально отреагировал Арсений. – Евгений Михайлович, вы же ясновидец, посмотрите в будущее, скажите мне откровенно, что меня ждет.

– Ты думаешь, я не смотрел? – улыбнулся ученый. – Отнюдь! Но ничего не видно. Будущее не определено. Ты еще ничего не решил!

* * *

Козырев считал себя общительным, компанейским человеком и, по сути, таковым и являлся. Он, правда, несколько настороженно всегда относился к новым знакомым: ему обычно требовалось некоторое, довольно продолжительное, время, чтобы понять человека и определить для себя манеру поведения с ним. В кругу же знакомого коллектива даже на многочисленных встречах и вечеринках, таких как студенческие советы университета или тусовки в общежитии, чувствовал себя как рыба в воде. Он искрометно шутил, был интересным собеседником и рассказчиком. Пользовался успехом и у противоположного пола. А когда собирались лишь свои, близкие, давно знакомые друг с другом люди, он неизменно становился заводилой и душой компании.

Но настоящих, проверенных временем, друзей, которым он доверял безгранично и которые всегда могли положиться на него, было немного. Прежде всего это, конечно, Антон и Надя Малаховы, дети Евгения Михайловича и самые первые друзья Арсения. Неудивительно, ведь с малых лет, едва начав себя осознавать в этом мире, они постоянно встречались в компаниях их родителей, фактически росли вместе. В более зрелом возрасте, когда у детей появились собственные общие интересы, начали общаться уже самостоятельно, независимо от родителей. Они были настолько дружны, что одно время родители обеих семей пророчили свадьбу Арсения и Надежды. Однако молодые люди никогда не питали друг к другу романтических чувств, скорее Надя воспринимала Арсения как еще одного своего брата, а Арсений, в свою очередь, с большим удовольствием растрчивал на нее те эмоции, которые могли бы достаться его сестре в случае ее существования. Возможно, именно эта трогательная забота друг о друге и внушила родителям ложное ощущение их взаимного интереса.

Следующими в списке его друзей, несомненно, были Борис Минин и Александр Кушаков, одноклассники Козырева. Начиная с самого первого звонка на школьных уроках и переменках днем, на улице или дома вечером они постоянно находились вместе. Борис, среднего роста, стройный и сильный, занимался спортом и был при этом чрезвычайно общительным. Казалось, что он знает всех, и все знают его в радиусе нескольких километров от школы. А еще он обладал неисчерпаемым запасом анекдотов и веселых историй, умел и любил их рассказывать. Саша, напротив, был немного неуклюж, но зато всегда имел лучшие оценки по всем предметам, разве что кроме физкультуры. Борис и Арсений вместе занимались танцами, а также играли за сборную школы в баскетбол и футбол. Александр всем видам спорта предпочитал шахматы, еще будучи школьником успел получить первый взрослый разряд и являлся неизменным чемпионом района среди юниоров. В общем, они всецело дополняли друг друга, концентрировали вокруг себя остальных одноклассников, и мало кто в школе мог открыто решиться выступить против этой троицы, особенно в старших классах.

В университете Козырев познакомился еще с тремя ребятами, которые впоследствии также стали его хорошими друзьями: Георгием Коломинским, Дмитрием Зацепиным и Алексеем Линерштейном. Они ничем особенным не выделялись среди остальных студентов-перво-

⁵ Альберт Эйнштейн

курсников, просто подошли друг другу по характеру, единству взглядов и общностью интересов. А Жорик с Лехой к тому же до университета учились в одной физмат-школе. Пожалуй, только Дима внешне несколько выделялся из их коллектива. Никому и никогда из его близких знакомых не пришло бы в голову назвать его Дмитрием. Для всех он был Димоней, в крайнем случае Димкой. Маленький, тщедушный, необычайно подвижный, с потрясающей реакцией, как физической, так и умственной. Убийственно остроумный и саркастичный. Любой опасался попасть на его острый язычок, а прозвища, придуманные им, прилипали до конца жизни, с удивительной настойчивостью преследовали человека из одного коллектива в другой, находили его в самых удаленных уголках земного шара. Сам же он постоянно веселил друзей забавными фразочками, необычными оценками или веселыми приколами. В общем, одно слово – Димоня.

Однажды в колхозе произошла забавная история. Все студенты жили в пионерском лагере, комнаты были рассчитаны на пять человек. Друзей было четверо, и они разумно рассудили, что их самих будет в комнате вполне достаточно, поэтому разобрали, вынесли и спрятали в коридорах пятую кровать. Им пытались подселить пятого, но, указывая на отсутствие свободной кровати, ребята логично заявляли: «Мы-то не против соседа, но куда его, собственно?» Преподаватели искренне удивлялись и... шли искать дальше. Поскольку в итоге все благополучно разместились, наших друзей больше не беспокоили. Так они и прожили весь месяц в своем тесном, закрытом мирке.

Как-то раз вечером студентам удалось разжиться несколькими бутылками портвейна. Стояла довольно теплая по меркам сентября погода. Листья едва подернулись желтизной. Пора холодных вечерних туманов еще не наступила. Дождя давно не было. Конец бабьего лета, самое начало золотой осени. Лагерь располагался в лесу, и багряные лучи заходящего солнца живописно окрасили окружающие деревья в невероятные яркие, насыщенные цвета. Друзья только что поужинали и теперь раздумывали, как бы им поинтереснее провести вечер.

– Пошли в лес, – предложил Арсений. – Чего сидеть в комнате, когда такая погода!

– Я после этого убогого ужина так и остался голодным! Что за фигня, после завтрака начинаешь сразу ждать обеда, после обеда не можешь дождаться ужина, а с ужина выходишь будто и не ел! Так и живешь – от еды и до еды! – привычно возмущался Жорик.

Действительно, кормили в колхозе слабовато. Пища была неплохая, но для молодых растущих организмов очень уж скудная. Слова друга навели Арсения на новые мысли, он бодро развивал свою же идею:

– Леха, а ты сгонял бы на кухню! – Обратился он к Алексею. – Там наверняка кто-то из твоих должников сегодня дежурит, разживись у них чем-нибудь. Хоть хлеба попроси, что ли. В лесу костерчик разведем, пожарим. А еще лучше картошки и соли. Испекли бы в золе.

Лехе была присуща удивительная способность достать что угодно хоть из-под земли. Он обрел это незаменимое качество благодаря великолепным конспектам, мастером которых его признавали все в университете. Половина группы перед сессией клянчила у него лекции. Он, конечно, охотно делился, но и сам в ответ не стеснялся пользоваться расположением товарищей.

– Слышь, там сегодня рыжий упырь из седьмой группы со своим корешем, – реагируя на заманчивые перспективы, оживился Димоня. – Я балдею, как таким дятлам голимым всегда удается устроиться. Мы вечно торчим по уши в грязи, с утра до вечера дергаем гребаные бураки, а эти ламеры порхатые всегда в тепле и всегда сытые, да еще домой на мамкины харчи каждую неделю мотаются. Леха, я с тобой, разведем лохов!

– Варенье с водой лучше разведи, стрелочник, тоже мне! Чем-то надо запивать эту бурду, – огрызнулся Леха, намекая на дешевый портвейн.

– Да я ж правда хочу помочь! – попробовал было возмутиться Димоня, но Алексей не дал ему договорить:

– Сиди тут, я сам схожу.

Он принес кило картошки, полбуханки черного хлеба, соли, четыре головки лука и... большой кусок сырого мяса. Как это ему удалось, так и осталось загадкой. Сколько пацаны его ни пытали, добытчик не раскололся. Он не любил выдавать своих секретов.

Мясо получилось жестким, картошка снаружи сгорела, внутри осталась непропеченной, потому что дожидаться золы никто, естественно, не захотел. Хлеб. Лук... Ну лук как лук, горький. Плюс дешевый портвейн и варенье из лепестков роз, разведенное с обычной водой из-под крана. Приторно-сладкий вкус варенья напоминал патоку, лепестки противно скрипели на зубах, словно сырая резина, так что только оно и могло сохраниться в комнате вечно голодных студентов. Но что это был за пир! Спустя многие и многие годы друзья вспоминали тогдашнюю незамысловатую трапезу как самое вкусное и изысканное угощение, которое им довелось когда-либо пробовать в своей жизни!

Портвейн, конечно же, тоже оказал свое положительное влияние. Пять бутылок на четверых, плюс еще одну, шестую, друзья предусмотрительно оставили в комнате. Правда, предосторожность эта все равно не помогла в итоге, но, с другой стороны, куда еще им было ее девать?

Последние осенние вечера, когда холод еще не портит впечатлений от поздних уличных посиделок. Яркие искры пылающего костра, улетающие в черное небо вместе с густым сизым дымом. По-настоящему близкие люди, портвейн, анекдоты, беззаботный дружеский стеб, шутки, смех и, конечно же, песни под гитару.

Жорик ненадолго отошел в лес и вернулся к костру вместе с заросшим человеком в рваной телогрейке:

– Пацаны, глядите, я в лесу встретил лешего! Леший, ты портвейн будешь?

– Мужики, корову не видали? – леший умел говорить по-русски.

– Ну, это смотря что понимать под коровой, – с готовностью ответил Димоня, – одну мы как раз доедаем! Правда, я бы в данной ситуации скорее использовал термин «говядина».

– В живом виде не видали со вчерашнего дня, это точно! Вчера с поля ехали, я видел быка. Хотя и далеко отсюда. Красивый! Ты, мужик, там поищи, – предложил Леха.

– Сдалась тебе эта корова, садись лучше, выпей с нами! – пригласил незнакомца Арсений.

Лешим оказался местный житель из соседней деревни. Против портвейна он устоять не смог. Звали мужика Тимофеем, дома его ждала стервозная жена, много кроликов и неиссякаемые запасы самогона. Знакомство оказалось весьма полезным, Тимофей потом не раз снабжал друзей отличным первачем. А еще он подарил им кролика. Живого. Вместе с клеткой. И как бы ни были голодны студенты, в день отъезда клетка была благополучно возвращена обратно. Вместе со все еще живым кроликом.

Когда вернулись домой, у Димони, всегда пьяневшего быстрее прочих, хватило сил только на раздеться и завалиться в кровать. Остальные пошли в душ. Душ был общий. Точнее, в общем помещении располагались в ряд три душевые кабинки, разделенные кирпичными стенками высотой примерно в полтора метра. Таким образом, моясь, получалось легко лицезреть голову соседа справа или слева. Арсений стоял в середине. Он посмотрел налево, потом посмотрел направо. Торчащие из-за стенок мокрые головы пьяных друзей навели его на счастливую мысль:

– Пацаны, а ведь у нас оставалась шестая бутылка!

– Угу! – ответила голова слева. – Ее Димоня куда-то спрятал. Чтобы мы не переусердствовали.

– Но мы ведь не переусердствовали?

– Неа, – подтвердила голова справа, – мы вообще ни в одном глазу!

– Надо найти бутылку!

– Найти ее сможет только Димоня. Если, конечно, что-то вспомнит. Но разбудить пьяного Димоню нереально, вы же знаете.

– Я найду! – уверенно сказал Арсений и прямо как был, голый и мокрый, направился в комнату.

– Арс, ты хоть бы вытерся, – услышал он вдогонку.

– Может быть, мне еще одеться?

Леха с Жориком, наскоро обмотавшись полотенцами, поспешили следом. К комнате вели мокрые следы. Стоя в дверях, они с любопытством наблюдали за голым Арсением, усердно обыскивающим все потайные углы помещения. Димоня ни на что не реагировал.

– Куда же ты ее спрятал, маленький злобный Димоня, – негромко приговаривал новоявленный следопыт, торопливо перемещаясь на корточках между тумбочками.

– Не испачкай свое хозяйство, пол у нас далеко не стерильный!

– Козырь, а можешь еще раз исполнить от моей тумбочки и до шкафа!

– Чем стебать, помогли бы лучше!

Но друзья не питали особой надежды на успех мероприятия, а посему лишь беспечно наблюдали за действиями товарища, вальяжно облокотившись на дверной косяк и скрестив на груди руки.

– Спрятанное Димоней не может быть найдено! Аксиома Зацепина!

Арсений встал в полный рост перед входной дверью, прямо напротив Лехи. Обнаженный Аполлон, да и только. Поднял голову вверх. Над входом располагались антресоли. Дотянуться до ручек с пола не получалось. Он подпрыгнул и открыл одну дверцу. Друзья отреагировали бурным смехом. Он подпрыгнул второй раз – другая дверца открыта. Жорик уже корчился от смеха, Леха пока хоть и с трудом, но все же сохранял вертикальное положение:

– Арс, прыгни, пожалуйста, еще разочек! Он у тебя при каждом прыжке так прикольно колдыхается...

Арсений подпрыгнул, повис на краю антресолей и не без труда подтянулся:

– Она там!

Его уже никто не слышал. Реплика утонула в приступе неудержимого истошного ржания. Там-то она там, но как ее достать? Дотянуться снизу не получается, а если повиснуть и подтянуться, то нечем взять, руки заняты. Стулья в комнате отсутствовали, до ближайшей кровати несколько метров. Да какие проблемы, ведь Арсений баскетболист! Он подпрыгнет повыше, дотянется до бутылки, схватит ее, быстро вытащит руку с вожденным предметом из антресолей и благополучно приземлится.

Пьяный план был неплох. Он даже осуществился. Почти полностью. На целых 80 процентов. То есть подпрыгнуть-то он подпрыгнул, дотянулся до бутылки, схватил ее и даже вполне так себе успешно приземлился. Не успел только вовремя выдернуть руку с бутылкой из недр подвешенного ящика.

Едва Козырев оказался на полу, бурный смех сменился гробовым молчанием. Бутылка все еще оставалась цела. То есть она сохранила свою форму и даже содержимое, но вся покрылась равномерной сетью микроскопических трещин. Мелкие кусочки зеленовато-коричневого стекла продолжали удерживаться между собой, похоже, только благодаря приклеенной к ним этикетке.

Друзья, которые к тому времени все втроем уже остались без полотенец, аккуратно, едва дыша, отнесли ее к столу. Достали литровую банку, в которой обычно кипятили чай. Хорошо еще, что для пробки нужен был нож, а не штопор! Аккуратно срезав крышку, они с превеликими предосторожностями перелили портвейн в банку. Даже с жидким азотом в физлаборатории они обращались менее трепетно, чем с этой бутылкой, которая осталась целой лишь благодаря некой неведомой силе. По всей вероятности, это была сила мысли трех людей, страстно желавших добраться до ее содержимого.

Отметить удачу решили там же, в душе. Поскольку ноги уже отказывались поддерживать наших героев в вертикальном положении, сходили в холл за пластиковыми стульями. Распо-

ложились в тех же кабинках. Включили теплую воду, разлили портвейн по кружкам. Выпили. Необыкновенная нега и блаженство наполнили тело каждого. Вот она, нирвана! Жорик выкинул стул и уютно устроился на полу, лежа прямо на резиновом коврикe в кабинке. Леха оставался на стуле лишь номинально, ногами он уперся в перегородку, а голова склонилась в угол кабинки. Сверху текли струи горячей воды, приятно лаская разомлевшее, усталое тело.

– А знаете, что мне сейчас мешает ощутить абсолютную гармонию? – едва двигая пьяными губами, пролепетал Арсений. – Вот мы тут все такие отдыхаем, ловим неземной кайф, нас ожидают остатки портвейна. А наш лучший друг Димоня в это же самое время спит. Прикиньте, просто тупо спит! И он не знает, а может быть, и никогда не узнает, что в жизни бывает такое блаженство! Это не по-товарищески! Наш долг – приобщить его к сему священному действию!

– Ты забыл, что пьяного Димоню разбудить невозможно, – вяло возразил Алексей.

– Неужели нас остановит такая мелочь?

Откуда-то снизу подал голос Жорик:

– Никогда! Мы просто обязаны это сделать! Он должен выпить с нами!

Они вновь замотались полотенцами и вернулись в комнату. Встали вокруг кровати блаженно почивавшего юноши. Тот, ничего не подозревая, мирно сопел во сне.

– Вот видите, как ему плохо, – сочувственно сопереживал Арсений.

Все согласились, хотя толком не понимали, чем же это, собственно, ему так плохо.

– Давайте не будем его будить, давайте сами отнесем его в душ, – заплетающимся голосом заботливо предложил Алексей.

– Конечно, пьяного Димоню ведь разбудить невозможно, а ну, стаскивай с него одеяло!

Дима сладко кутался и расставаться со столь важным постельным предметом явно не собирался. Ребята не стали с ним спорить. Они совершенно искренне желали другу добра.

Отнесем его вместе с одеялом, пусть ему будет тепло в дороге. А там сразу теплый душ, он даже не успеет замерзнуть. Жорик, бери его за плечи, а ты, Арс, бери за ноги, – друзья подняли Димоню вместе с одеялом.

– Осторожнее! Жорик, смотри куда ты прешь!

– Сам смотри, мать твою! Я ж спиной иду, не вижу ни фиги. Давай рули! Димоня, блин, щуплый, а весит как слон!

– Ну так нажрался мяса, больше его не кормим!

– Да подними ты его повыше, он скоро у тебя по... пол цеплять будет!

Димоня что-то бормотал во сне. Георгий крепко держал его за плечи, но сразу от шеи начиналось одеяло, скрывающее все остальное.

– Лех, смотри, Жорик несет говорящую голову!

Леха посмотрел на руки Жоры. Иллюзия выходила совершенно полной. Леха и Арсений начали дружно ржать.

– Не смешите меня, враги, я и так его еле держу! – Жорик согнулся от смеха, и у него упало полотенце.

– Леха, смотри, что это за хрень теперь болтается над говорящей головой!

– Самый что ни на есть хрен и есть!

– Пацаны, кончайте! – вопил Жорик, буквально заходясь в приступе смеха. – Я не могу больше держать! Сами вы оба-два он и есть! Отвалите от моего хрена!

– А ты прекращай долбить им Димоне по лбу! Думаешь, это его разбудит?

– Это его в лучшем случае возбудит. Да и то я сомневаюсь.

С горем пополам процессия добралась до душа. Диму поставили на ноги. Он открыл глаза, инстинктивно продолжая двумя руками прижимать одеяло к груди. Трое голых друзей стояли вокруг. Адекватности во взгляде Димони не наблюдалось.

– Будет нехорошо, если одеяло промокнет, – подумал вслух Арсений. – Лех, отбери его, Жор, включай воду!

Козырев мягко подталкивал Диму в сторону душа. Линерштейн пытался отобрать одеяло, Коломинский открывал воду. Зацепин одной рукой судорожно вцепился в последний предмет, все еще связывающий его с теплой, уютной кроватью, другой пытался закрыть воду, отчего она текла то очень горячая, то совершенно холодная в зависимости от того, какой кран в этот момент крутил Жорик. Димоня в тупой прострации вращал оставшийся. Смех и шум разбудил бригадиров. Бригадирями, как правило, назначались аспиранты или студенты старших курсов. Их, конечно, никто не боялся, но все же... В дверном проеме душевой появилось два заспанных силуэта.

– Чего это вы тут делаете? – задал логичный вопрос Серега Преображенский, которого друзья за глаза называли Преображским.

– Да вот Димоня напился, собрался постирать одеяло. Мы ему не даем.

Со стороны все именно так и выглядело: Дима стоит наполовину в душевой кабинке, крутит кран, тащит на себя одеяло. Остальные тоже усердно вращают вентиль, и одеяло у него заботливо отбирают.

– Димоня, напился – иди спать! Нечего устраивать дебоши. Завтра всем на работу! – пробормотали дежурную фразу бригадиры и с чувством исполненного долга удалились.

Друзья отпустили Димоню на волю, все еще корчась в приступах смеха. Закрыли воду, в очередной раз замотались полотенцами. Вернулись в комнату: Зацепин отсутствовал. Почему-то сей грустный факт их нимало не смутил. Арсений с криком «Всегда мечтал это сделать!» скинул мешавшее полотенце, заскочил на кровать Димони и принялся увлеченно прыгать на сетке.

– Ура! – прокричал Жорик и присоединился к товарищу. Взлеты и приземления голых мужских тел со стороны выглядели невероятно потешно, но праздник продолжался недолго. Кровать сказала «Кррхххы!» и погнулась. Пришлось в срочном порядке маскировать повреждение матрасами и простыней.

В дверях появился Димоня с одеялом в руках. Оказалось, что даже инцидент в душе не помог разбудить его окончательно. Друзья лишь слегка толкнули его в направлении комнаты, то есть по коридору, а он, оказываясь, дверь свою не заметил и отправился дальше прямо по курсу. И только жесткий контакт с кирпичной стеной в противоположном конце этажа наконец-то полностью вытащил его из царства Морфея.

Добравшись до своих и радуясь завершению внезапных ночных приключений, Димоня хотел было продолжить свой сладкий сон, прерванный столь бесцеремонным образом. Но привычная кровать теперь почему-то казалась неудобной. Он долго ворочался, пытаясь найти более-менее приемлемую позу. Отчаявшись, раздраженно откинул матрас. Глаза его округлились, а раздражение сменилось крайним удивлением:

– Мужики, вы, что, блин, тридцатку погнули?!

Комнату сотряс новый взрыв хохота.

Проблема же решилась быстро: очень кстати прищлась разобранная и предусмотрительно спрятанная пятая кровать.

* * *

Когда Арсению исполнилось двенадцать, Евгений Михайлович впервые представил его своему собственному духовному наставнику. Они явились вдвоем в необычную, сказочную квартиру. Все в ней, от интерьера до запаха, было подчинено главному: той идее, носителем которой и являлся ее уважаемый хозяин.

Муса Бурхан, а именно так и звали почтенного йогина, внешне ужасно походил на настоящего, коренного индуса. Маленького росточка, смуглый, сморщенный старичок имел характерную азиатскую внешность, а желтовато-коричневый цвет кожи красноречиво указывал на то, что предки его когда-то с полным на то правом обитали по ту сторону от реки Инд. Он, несомненно, пребывал на этом свете дольше Малахова, хотя однозначно определить возраст старичка не представлялось возможным.

Где и когда профессор познакомился с этим необычным человеком, что послужило отправной точкой их многолетней и тесной дружбы, для Козырева так и осталось загадкой. Оба мужчины не любили распространяться на эту тему. Но характер их взаимоотношений сильно отличался от привычных Арсению российских, да и вообще европейских устоев. Бурхан не был ученым, никогда не занимал сколь-нибудь значимой должности, жил скромно, не гнался за деньгами и не искал полезных связей. Однако Евгений Михайлович, уже тогда имевший широкую известность во всем научном мире, всегда относился к своему учителю с необычайным почтением и даже, пожалуй, с некоторым благоговением. Он старательно пытался, но никак не мог доступными светскими средствами выразить всю степень своего уважения, и недостаток оного пытался компенсировать как умел. Впрочем, самому старцу, казалось, до всей этой суеты не было никакого дела.

Входная дверь оказалась незапертой. Восхищенно озираясь по сторонам, с открытым от изумления ртом, Арсений медленно и осторожно перемещался по невиданной доселе квартире. В обволакивающем мягком полумраке из самых неожиданных мест взирали на него странные лики многоруких существ. Пышный ковер полностью скрадывал звук шагов. Тут и там тлели длинные палочки наподобие бенгальских свечей, только вместо россыпи ярких искр от них медленно поднимались тоненькие прямые струйки благородного дыма. Сам йогин величественно восседал прямо на полу в позе лотоса, скрестив перед собой руки и ноги. Одетый в традиционные широкие индийские одежды, он будто бы явился сюда из другого мира. Вокруг шеи и груди пожилого мужчины был обмотан желтый шнурок, толщиной чуть меньше мизинца.

– А вы в самом деле из самой Индии? – сбивчиво спросил ошалевший Арсений, даже забыв поздороваться, – слишком уж непривычной оказалась окружавшая его атмосфера.

– Намасте, Джи! – медленно и четко произнес Муса, сложив ладони вместе напротив груди, чем поверг опешившего подростка в полное недоумение, почти что в панику. Но, улынувшись, он тут же повторил на чистом русском языке без малейшего акцента. – Приветствую тебя, уважаемый, и благодарю за то, что посетил мое скромное жилище. Нет, я не из Индии, я родился в Таджикистане, но ты прав, во мне течет много индийской крови.

– Намаскар, Муса-баба, – Малахов ответил вместо окончательно растерявшегося подростка, при этом низко поклонился и дотронулся рукой до ноги почтенного старца. – Знакомься, это Арсений, мой давний и хороший друг, сын моих хороших друзей.

Бурхан проделал непонятные пассы руками, очевидно означающие приветствие, затем без стеснения, с явным любопытством уставился на юного гостя.

– Ты можешь называть меня Муса. Если сочтешь, что я достоин твоего уважения, то в конце можешь добавлять слово «Джи». Но это на твое усмотрение. Поскольку я не являюсь твоим официальным наставником, я не вправе навязывать тебе свое мнение.

– А что означает «баба»? – Козырев понемногу освоился.

– Это слово означает «отец» или «учитель», – мастер перевел взгляд на Малахова. – Что привело вас сюда, Женя?

– Видишь ли, о дважды рожденный, этот мальчик, он... В общем, у меня такое чувство, что он обладает некоторыми способностями. Я не могу это толком объяснить, потому что, сколько я ни пытался, ничего не смог обнаружить. И все ж таки я вполне определенно ощущаю...

Вместо ответа, старый йог протянул свои руки вперед, развернув их ладонями кверху.

– Подойди ко мне, юноша, – произнес он. – Положи руки.

Козырев сделал пару шагов в сторону Бурхана и слегка дотронулся до его ладоней. Но едва только кончики пальцев Арсения прикоснулись к мастеру, как тот внезапно отдернул свои.

– Будто током ударило! – смущенно объяснил Муса внезапную спонтанную реакцию.

– Ерунда, электростатика. Ковер у тебя слишком шикарный, учитель, – с добродушной усмешкой объяснил инцидент Евгений Михайлович.

Арсений промолчал, хотя в душе не был согласен со своим взрослым другом. Если бы электростатика, то он и сам непременно получил бы удар током. Однако ничего подобного юноша не почувствовал. Но в те годы он еще не позволял себе спорить с Малаховым. Бурхана же, похоже, подобная версия вполне устроила.

– Ладно, – снова предложил он, – давай сюда свои ладони! Прикасаюсь необязательно.

На этот раз все прошло без неприятных эксцессов. Гуру долго медитировал с закрытыми глазами. Арсений даже начал уставать. Руки отяжелели, в пальцах появилась мелкая дрожь. Он из последних сил старался удержать их горизонтально перед собой. Старику же, казалось, такая поза вовсе не доставляет ни малейшего неудобства.

Когда молодой человек уже был готов сдаться и в буквальном смысле слова опустить руки, Муса наконец-то убрал свои и открыл глаза. Взгляд его был весьма удивленным.

– Ничего не могу разобрать, это в высшей степени странно! Он будто затирает все перед собой там, в будущем. Впрочем, мне все же удалось разглядеть парочку любопытных моментов. Что это такое, пока сказать сложно. Очевидно одно, наши с ним судьбы связаны довольно тесным образом. Мы будто бы решаем одну общую задачу одновременно и в то же время каждый по-своему. Любопытно, чрезвычайно любопытно!

Арсений смотрел на него и ровным счетом ничегошеньки не мог понять. Малахова подобное объяснение йогина тоже не вполне удовлетворило. И все же он ответил:

– Стало быть, я не ошибся? Я чувствую в нем потенциал, но, как именно он должен проявиться, совершенно не могу себе представить.

Козырев в самое ухо тихим шепотом, дабы ненароком не оскорбить достопочтенного хозяина, обратился к Евгению Михайловичу:

– А почему вы назвали его дважды рожденным?

Но Муса, невзирая на предпринятые молодым человеком предосторожности, сумел уловить смысл его вопроса и сам ответил любознательному гостю. Казалось, он слышит самым сердцем.

– Дважды рожденным в Индии называют человека, который допущен к изучению Вед, получению древнего, сакрального знания. Процедура посвящения называется упанаяна. Видишь этот священный шнур? – учитель указал на свою шею. – Он называется яджнопавита. Когда-то давно на меня надел его мой учитель как символ служения Великому Брахмо⁶, и с тех пор я его не снимаю.

– Как, совсем никогда?

– Ну разве чтобы поменять его на новый, – улыбнулся Бурхан. – Обрати внимание, он состоит из трех тесно переплетенных нитей. Точно также и наш видимый, материальный мир являет собой суть взаимодействия трех гун: саттвы, раджаса и тамаса. Все, что есть на этом свете – и хорошее, и плохое – всего лишь плод их причудливой игры.

Йогин на секунду задумался, будто осмысливая внезапно появившуюся идею, и продолжил:

⁶ Брахмо – понятие, обозначающее безличный, индифферентный Абсолют, «душу мира», первооснову всех вещей и феноменов. В ведийской философии концепция Брахмана (то есть Бога-Абсолюта) тесно связана с личностным восприятием каждым человеком всеобъемлющего Бога-Брахмана в качестве индивидуального Атмана – своего наивысшего запредельного «Я». Брахма также один из трех аспектов Высшего Бога в индуизме.

– Формально ты уже достиг нужного возраста, не хотелось бы и тебе познать древнюю культуру Востока, приобщиться к сокровенным знаниям Патанджали? Поверь, в них скрыта Великая Истина, а в тебе я вижу неплохой потенциал.

Юноша недоуменно переводил взгляд с одного мужчины на другого и молчал. Муса выдержал паузу, но, так и не дождавшись ответа, продолжил:

– Впрочем, возможно пока еще рано. Не будем спешить. Ты должен сам прийти к такому решению, а для этого тебе придется еще немного повзрослеть. Отложим наш разговор на будущее.

* * *

Случилось так, что следующая встреча Арсения с Мусой Бурханом состоялась только через пять лет, уже непосредственно перед самым университетом. И снова они с Малаховым, как и тогда, в первый раз, заявили в гости к почтенному старцу. Тот торопливо протопал навстречу гостям характерной шаркающей походкой и протянул Арсению сморщенную, морщинистую руку. Взгляд его был открытым и добродушно-приветливым. Рукопожатие оказалось неожиданно сильным. Это небольшое тщедушное тельце хранило в себе еще много жизненной энергии.

На этот раз атмосфера необычной квартиры оказалась гораздо более привычной для взгляда человека, неискушенного в восточных тонкостях. Свет, густым мощным потоком падающий через свободные от штор окна, напрочь убивал былой налет мистической таинственности, который Арсений столь бережно хранил все эти годы в своей памяти. Сам мастер абсолютно не изменился внешне, но теперь встречал их на кухне за чашкой чая в обычных совковых трениках с обвисшими коленками.

Надо сказать, что подобная картина несколько обескуражила юношу. И если первый визит произвел на него столь неизгладимые впечатления, то теперь, наоборот, созданная ранее иллюзия стремительно рассеивалась, словно туман от свежего морского бриза.

Малахов заметил такое его состояние:

– Ты вырос, теперь уже нет нужды в дешевых эффектах. Не то чтобы мы разыгрывали перед тобой спектакль. Отнюдь! Муса действительно старается придерживаться восточных традиций, но при этом он продолжает оставаться обычным советским человеком.

– Откуда взялось это древнее учение, доподлинно неизвестно, – йогин сразу же перешел к самой сути, но Малахов как опытный преподаватель предпочитал не оставлять у слушателя белых пятен и для начала постарался обозначить общую цель всего мероприятия.

– Мы расскажем тебе о некоторых аспектах восточной философии. В силу определенных причин, нам обоим близка данная тема, и мы надеемся, что и тебя она тоже увлечет. Но решать тебе. Пока же просто послушай.

Бурхан благодарно мотнул головой и продолжил:

– Так вот, в том или ином виде учение йоги существовало задолго до того, как арийская цивилизация распространила свое влияние на территорию современной Индии. Возможно, древние арии принесли эти тайные техники с собой, но скорее всего знание зародилось именно там, на полуострове Индостан. Исторические исследования и археологические раскопки дают нам неопровержимые доказательства, что некие похожие обряды применялись людьми за многие сотни лет до нашей эры, то есть до рождества Христова. Прямых записей об этом нет, оно и понятно, но зато сохранились всяческие прочие артефакты, убедительно сие доказывающие.

Первые письменные источники, в которых встречается нечто, отдаленно напоминающее йогу, – это Веды. Значение Вед для культуры Востока переоценить невозможно. Веды для индусов – как Библия для христиан или Коран для мусульман, только появились они гораздо раньше. Шрути, «услышанное», откровения, священные писания. Да и вообще они представ-

ляют собой, возможно, самые старые, самые сокровенные знания на земле! Духовные знания, сосредоточие вселенской мудрости. Даже по самым скромным оценкам, их возраст не менее трех тысяч лет, хотя достоверно определить реальный период возникновения этих мыслей невозможно. Неизвестно, сколь долго передавались они из уст в уста, от учителя к ученику.

Кроме самих Вед важные элементы йогического учения присутствуют и в более поздних комментариях к ним, так называемых Упанишадах. Там же впервые вводится и сам термин «йога», который может трактоваться в очень широком смысле значений. Это и связь, и единение, и метод, и усилие. И вообще йога являет собой понятие настолько глобальное, что скорее это она оказывает влияние на значение слов, нежели слова способны определить всю глубину ее философского смысла.

Далее, если следовать в хронологическом порядке, о йоге нам повествуют тексты древнего индийского эпоса. Здесь, пожалуй, следует особо отметить Бхагават-гиту⁷, часть Махабхараты⁸, настоящего памятника восточной литературы. В нем, кстати, удивительно точно передана вся суть сложной индуистской философии.

И если Бхагават-гита представляет нам философию йоги, то ее методики и практики, пожалуй, впервые систематизировал, классифицировал и, если хочешь, разложил по полочкам в виде коротких сутр индийский мудрец Патанджали, живший во втором веке до нашей эры. Именно ему многие отдают почетное звание основателя йоги. И хотя заслуги его несомненны, все же награждать сего достойного мужа подобным титулом было бы не вполне правомерно.

К сожалению, сутры Патанджали не могут претендовать на полноту и всеобъемлемость. Это скорее зарисовки, некий план лекции, помогающий ученику легче запомнить преподаваемый ему материал. Вот почему постижение йоги до сих пор невозможно представить без мудрого, а главное, духовно подходящего наставника. Конечно, с развитием письменности, с ростом культуры, образованности людей стали появляться многочисленные подробные комментарии, но я все же считаю, что роль учителя, непосредственного, личного наставника в процессе постижения йоги преувеличить невозможно!

Лекция получалась довольно скучной, формальной, но Козырев слушал очень внимательно, старался не упустить ни единого слова. Муса Бурхан прервался, вскипятил чайник и второй раз залил горячей водой ароматные чайные листья в большом белом заварнике. Воспользовавшись естественно возникшей паузой, его рассказ тут же подхватил Евгений Михайлович.

– Видишь ли, Арсений, как уже сказал наш уважаемый ачарья⁹, вся культура Востока делится на две большие части относительно признания или непризнания авторитета Вед. Индуизм формально относится к ортодоксальным, или «астическим», школам, а следовательно, считает Веды священными, боготворными. Термин происходит от слова «асти», то есть «существует». А вот буддизм, напротив, авторитет Вед не признает, и, стало быть, принадлежит к категории «настика», что в переводе означает «не существует». Йога с теми или иными отличиями входит в основу обеих этих традиций.

⁷ Бхагават-гита (санскр. «Божественная песнь») – памятник древнеиндийской литературы на санскрите, часть Махабхараты, состоит из 700 двустиший (шлок). Бхагавад-гита является одним из священных текстов индуизма, в котором представлена основная суть индуистской философии. Считается, что Бхагавад-гита может служить практическим руководством как в духовной, так и в материальной сферах жизни. Часто Бхагавад-гиту характеризуют как один из самых уважаемых и ценимых духовных и философских текстов не только традиции индуизма, но и религиозно-философской традиции всего мира.

⁸ Махабхарата (санскр. «Великое сказание о потомках Бхараты», по имени царя Бхараты, потомка древнего царя Куру) – древнеиндийский эпос. Одно из крупнейших литературных произведений в мире, содержит более 75 000 двустиший (шлок), что в семь раз длиннее Илиады и Одиссеи взятых вместе и в четыре раза больше Библии. В индийской традиции считается «пятой Ведой». Одно из немногих произведений мировой литературы, которое само о себе утверждает, что в нём есть всё на свете.

⁹ Ачарья – духовный вероучитель и одновременно человек, обладающий глубокими знаниями. В отличие от гуру, ачарья означает либо интеллектуально признанного главу духовной традиции в данном поколении, либо родоначальника новой традиции. Как правило, ачарьи – это философы или теологи.

Да и вообще, как бы там ни было, практически все многочисленные восточные философские школы, астические и настические, теистические или отрицающие влияние божественного начала, в основе своей более-менее точно придерживаются основных принципов, изложенных в йоге. Такие понятия, как «карма», «самсара», «мокша», типичны для любых индуистских учений, и понятия эти, в свою очередь, неотъемлемо входят в йогу. Поэтому если и существует что-то в восточной философии, что едино для всех ее направлений, то это, несомненно, именно она и есть.

Муса разлил чай по стаканам и вновь завладел словом:

– Зеленый чай. Самый что ни на есть индийский. Вторая вода ярче проявляет вкус. Только не вздумайте портить его сахаром! – последнюю реплику радушный хозяин произнес поспешно, заметив, что Арсений потянулся к фарфоровой сахарнице.

Из дальнейшего рассказа двух авторитетных мужчин, по очереди сменяющих друг друга в ходе этого длительного двойственного философского монолога, юный Козырев мало что понял.

Неизбежность человеческих страданий, бесконечная череда вынужденных перерождений, порочная привязанность души к материальному миру, страсти и эмоции и, как итог, необходимость обретения просветления – все это смешалось, переплелось в неокрепшем юношеском сознании запутанным философским клубком. Естественно, за столь короткий срок Арсений не мог понять, а уж тем более усвоить всю глубину тонкой восточной мудрости, но кое-что, самую основу учения, он все же сумел для себя уяснить.

Видя такую его растерянность, Малахов поспешил объяснить главную идею сегодняшней встречи:

– Понимаешь, мой мальчик, дело в том, что нашему уважаемому Мусе Бурхану удалось заглянуть немного вперед, туда, за доступный человеческому зрению горизонт. И там он увидел нечто такое, что мы сочли невозможным утаивать от тебя. Вот почему потребовалось это, возможно, несколько затянутое предисловие. Вот зачем мы сегодня явились с тобой сюда. Пожалуйста, Муса Джи, расскажи юноше, что ты знаешь.

Бурхан несколько секунд молчал в нерешительности, будто собирался пойти на последний шаг, после которого уже не будет возврата. Затем запросто, словно речь шла о самых обычных вещах, сообщил:

– Судя по всему, тебя ожидает непростая, но великая судьба. Мне сейчас даже трудно представить весь масштаб твоего возможного величия, но, поверь мне, он будет практически безграничным! Только тебе решать, в какой именно степени и как ты захочешь им распорядиться.

Арсений ошалело смотрел на пожилого йога, пытаясь понять, зачем тому потребовался столь странный розыгрыш. Старик вовсе не походил на сумасшедшего, напротив, выглядел вполне адекватным и неглупым человеком. И если в их первую встречу весь этот восточный антураж несколько сбивал с толку, поражал и восхищал, то сегодня хозяин необычного жилища предстал перед ним совершенно нормальным, здравомыслящим мужчиной. Как всегда в таких случаях, на помощь вовремя подоспел Евгений Михайлович.

– Дело в том, дружище, что у Мусы бывают видения. Нечасто, но бывают. В такие моменты будущее открывается с поразительной четкостью. Точнее некоторая информация оттуда проникает в наш мир вполне определенно. Другой вопрос, что правильно ее интерпретировать обычно не так уж и просто.

– Ты очень заинтересовал меня в ваш первый визит, – снова подключился к разговору пожилой йогин. – Помнишь тот якобы удар током? Так вот, это никакое не электричество! Хотя, конечно, удар был, но на уровне тонких материй. Я до сих пор не сумел понять, на каком именно уровне. Ты действительно обладаешь огромной и страшной силой, и я тогда ощутил ее на себе в полной мере. Конечно, ты не умеешь еще правильно ею пользоваться, даже не

догадываешься о ее существовании. Пока это лишь потенциальная энергия, она скрыта в твоём разуме.

– Как это? – восклицание вырвалось из уст Козырева помимо его воли. Он случайно произнес вслух вопрос, который сейчас представлял собой квинтэссенцию его недоуменного состояния.

Бурхан улыбался одними глазами. Реакция юноши ему imponировала. Профессор вновь не сумел удержаться от околонаучного комментария.

– Разум материален, – в очередной раз начал Малахов. – Возможно, наука еще не открыла для него подходящих субстанций, которые можно было бы надежно зафиксировать, измерить, но, тем не менее, это так. Он не есть свойство твоей души, он дается при рождении. Как рост, как цвет кожи, я не знаю, как ловкость рук или черты характера. Конечно, в какой-то степени его можно воспитывать, тренировать. Но базис определен изначально.

– Генетически?

– Ну да, примерно, если хочешь. Хотя лично мне не нравится этот термин. Генетика тут вторична. Она следствие, а не причина.

Арсений перевел взгляд обратно на йогина. Глаза его молили о поддержке. Почва привычных убеждений буквально уходила из-под ног. Но Муса и не думал возвращать ее обратно.

– Периодически я возвращался к этой теме и не так давно, находясь в глубокой медитации, получил доступ к некоторым сокрытым данным, – перехватил монолог профессора мастер.

– Каким еще данным? – продолжал недоумевать Козырев.

– Каким данным? – зачем-то переспросил Муса. Ему требовалась пауза, чтобы наиболее точно и понятно сформулировать то, что он собирался сообщить. – Данным о тебе, о твоей судьбе. Они явились мне в виде нескольких фраз на санскрите, и хотя я неплохо знаю этот древний и великий язык, я вполне допускаю, что мог в чем-то и ошибиться.

– Наш уважаемый медиум, как всегда, скромничает, – с улыбкой произнес Малахов. – Уверен, что суть послания он донес до нас в точности. А вот что касается его истинного смысла, боюсь, что тут нам еще предстоит потрудиться.

– Тебе дано имя, весьма необычное имя.

Старец бегло начертил что-то на бумажке и показал ее Арсению. Тот с любопытством взглянул – какой-то непонятный набор странных иероглифов:

दैवप्रमार्जकः ।

Это деванагари¹⁰, древнейшая из письменностей, дошедшая в первозданном виде до наших дней. Произносится дайвапрамарджакха. Дословно означает «стирающий предначертанное».

– Стирающий предначертанное? Что это значит?

– Нам еще предстоит узнать. Но подожди, это не все. Кроме имени нам дано некое указание на возможный путь развития событий. Во всяком случае, мы так думаем. Вот перевод полного текста:

«Дикша определит судьбу. Душа свободна. Строго держись своего пути. Учитель укажет легкую дорогу. И имя тебе дано будет: «стирающий предначертанное».

¹⁰ Деванагари – один из вариантов древнеиндийской письменности, используемой в санскрите.

– Фраза «Учитель укажет легкую дорогу» скорее всего не несет особой информации. Практически во всех восточных школах невозможно переоценить роль учителя. Обычно считается нелишним дать дополнительное указание на необходимость наличия наставника и всяческого его почитания. Во всяком случае ничто иное в голову не приходит.

– А что такое дикша? – спросил Арсений. Вопросов было очень много, но этот лежал на поверхности.

– Ты что-нибудь слышал про точки бифуркации? – Малахов предпочитал объяснять последовательно.

Козырев неопределенно мотнул головой.

– В классической физике точками бифуркации называются точки, при которых система становится неустойчивой и возникает неопределенность. Так же и здесь. Ты наверняка слышал про различных предсказателей будущего. Нострадамус, Ванга и прочие. Так вот, если допустить, что предсказания возможны, получается, что вся наша жизнь предопределена заранее и человек не имеет возможности влиять на ее события.

Арсений понимающе кивнул, Евгений Михайлович продолжил.

– Мне с этим согласиться трудно. Мне приятно считать, что от меня все ж таки что-то зависит. Поэтому давай будем исходить из того предположения, что мир развивается по некоторому заранее написанному сценарию, но при этом существует возможность его изменений в довольно широких пределах.

– В каких пределах?

– Жестко определены и надежно зафиксированы только некоторые, наиболее важные, так сказать, реперные точки. По аналогии с физикой назовем их точками бифуркации. Человечество неизбежно через них проходит, а вот между ними цивилизация может развиваться множеством различных способов, которые в общем случае весьма сильно отличаются друг от друга. Понимаешь, это как принцип набегающей волны. Та, которая прямо перед нами, с ней все более-менее ясно. Путь избран, многие способны предсказать грядущее в небольших локальных пределах. А вот дальше видны одни лишь только гребни и впадины. Что несут нам новые волны, как сложится судьба внутри них – неизвестно. Но подъем всегда будет подъемом, а провал так и останется провалом.

Арсений характерным жестом подтвердил, что пока успеваешь следить за мыслью профессора.

– Поскольку твоя судьба по какой-то причине необычна, и, возможно, тебе уготована некая особая роль в мировой истории, ты получил посредством нашего дорогого Мусы Бурхана некую важную подсказку. И теперь только от тебя зависит, сумеешь ли, захочешь ли ты ею воспользоваться.

– Да, но что она означает?

– В индуизме дикша – некий священный обряд. Обряд посвящения в духовные ученики. Вероятно, тебе предстоит нечто подобное. И вот тут у тебя появится возможность сделать выбор. От него будет зависеть, как сложится твоя судьба. Вплоть до следующей, очередной, точки, изменить которую невозможно.

– И как это понять? Что я должен сделать? Что я должен сделать, чтобы сделать правильный выбор? – Козырев никак не мог привести в порядок свои мысли. Они путались в голове и создавали ощущение полной неразберихи.

– Над этим всем нам предстоит еще как следует подумать. Надеюсь, время еще есть.

– А что означает «стирающий предначертанное»?

Двое взрослых мужчин замолчали, бросая друг на друга вопросительные взгляды. Наконец, Евгений Михайлович произнес:

– Мы с Мусой считаем, что это означает возможность влияния непосредственно на точки бифуркации.

* * *

– Ну, как твои впечатления? – спросил Малахов у Арсения, когда они, покинув жилище достопочтенного йогина, медленно брели рядом вдоль тихих улочек московского центра. В выходной день, когда все офисы закрывались, эти старинные, узкие переулки, проезды и тупички практически полностью вымирали.

– Честно говоря, я немного обалдел. Это все как-то, ну непривычно, что ли. Отдает фантастикой. Магия, мистика, волшебство. Нет, интересно, конечно, но напоминает скорее детские сказки. А скажите, Евгений Михайлович, вот вы, известный ученый, неужели вы сами в это верите?

– Стало быть, ты не веришь?

– Я пока не знаю. Это ни на что не похоже. Наверное, мне надо просто привыкнуть. Но если вы считаете...

Профессор неопределенно скривился.

– С сугубо формальной точки зрения не существует весомых доводов ни за, ни против подобных теорий. Все ж таки наука пока еще слишком слаба. Так что это вопрос веры.

– Веры? – Козырев удивился еще больше.

– Да, именно веры. Необязательно верить в Бога. Верить можно во что угодно. Пока мы не знаем чего-то достоверно, остается предполагать те или иные варианты. Ведь как-то же все это устроено! – он сделал широкий жест руками, будто собирался обхватить ими весь мир. – Что-то тебе ближе, понятнее, что-то, наоборот, ты никак не можешь принять.

– Я как раз об этом и хотел сказать! Я не вполне согласен с Мусой Бурханом. Даже если все действительно так, как он описывал. Ну про страдания, переселение душ и так далее. Мне кажется, что в этой бесконечной череде перерождений существует некий глубокий, сакральный смысл. И что это значит полностью избавиться, скажем, от эмоций? Воспринимать жизнь так, будто они приносят исключительно одни лишь страдания... Не знаю, по-моему, это неправильно! Скорее, я бы сформулировал так: жизнь имеет смысл, если положительные эмоции преобладают над отрицательными. По количеству, по силе ощущений, по глубине. Другой вопрос, как этого добиться. Вот ведь в чем еще дело: отрицательные переживания тоже необходимы, без них не будет положительных. Ибо человек способен мыслить лишь только относительно, так сказать, познавать в сравнении. Как сделать человека счастливым? Сначала нужно сделать его жизнь хуже, а потом вернуть как было. Иначе он не способен оценить данное ему! И если эмоции принадлежат исключительно материальному миру, значит, нирвана лишена их вовсе. Что это за нирвана такая, если в ней нет кайфа? Я не уверен, что мне бы этого хотелось. Я чувствую – значит я существую!

Малахов улыбнулся:

– Да... И это мысли семнадцатилетнего юноши! И хотя суждения твои излишне категоричны, ты, Арсений, весьма неординарный человек. Даже если не принимать во внимание туманное пророчество. И у тебя характер настоящего ученого. Все подвергать сомнению, пока не будет доказано обратное. Только здесь важно не переусердствовать.

– В каком смысле?

– В том смысле, что и отвергать окончательно никакие идеи тоже не стоит, пока для этого не появятся достаточно веские основания.

Они подошли к метро, и в этой точке пути их временно расходились.

– Спасибо, Евгений Михайлович, в любом случае было очень интересно.

Спешно пожав протянутую руку, Арсений перебежал узенькую дорожку и вскочил внутрь подъехавшего троллейбуса. Малахов еще несколько секунд смотрел ему вслед. Тихо произнес себе под нос:

– Пожалуйста, мой друг, пожалуйста. Надеюсь, мы все делаем правильно.

* * *

Управлять своими снами Арсений научился давно, еще в юношеском возрасте. Лет, наверное, в тринадцать или в четырнадцать. Сны всегда являлись ему очень яркими, красочными и реалистичными историями. Конечно, в них было все не так, как в реальной жизни, но все же, находясь внутри сна, отличить его от реальности представлялось чрезвычайно сложной задачей.

Началось все с того, что он очень скучал по родителям, которые периодически работали за рубежом, а его, чтобы избежать смены школы и привычной жизни, оставляли жить под присмотром бабушки и дедушки. Нет, бабушка и дедушка были очень хорошими. Бывшие учителя, они во внуке души не чаяли, баловали его и вместе с тем могли дать много нужного и полезного для гармоничного развития. Но что там говорить, родители есть родители. Никто не сможет заменить ребенку материнской любви и заботы.

Очень часто ему снился сон, что родители неожиданно вернулись, и он, безмерно счастливый, бежит со всех ног домой, где бы он ни находился, дабы поскорее их увидеть. Каждый раз, когда он бежал, наученный горьким опытом предыдущих подобных сновидений, он пытался определить для себя, действительно ли родители вернулись или это всего лишь очередной приятный сон. И каждый раз он был твердо уверен – да, вот теперь-то уж точно не сон! И каждый раз, проснувшись, он с унынием понимал, что в очередной раз обманулся в своих ожиданиях. Как пронзительно грустно и невероятно тяжело должно быть ребенку снова и снова испытывать подобное разочарование!

Но однажды он вдруг ясно и четко понял – это сон. Анализируя впоследствии произошедшее, так и не смог объяснить себе четко, что же явилось толчком, что на этот раз случилось такого, чего не бывало ранее? В первый раз он настолько испугался, что тут же проснулся. Ощущения получались весьма необычными. Ты полностью осознаешь себя и запросто контролируешь любые свои поступки в ясном уме и твердой памяти. Но при этом ты все так же продолжаешь находиться внутри сновидения. Формально вокруг тебя ничего не изменилось, однако прежние декорации отдают теперь легким мистическим налетом и заставляют тебя чувствовать некоторую нереальность происходящего. То же место, те же предметы, те же люди, просто ты вдруг понял, что это всего лишь сон.

Он много думал о странном событии наяву, вспоминал ощущения, пытался постичь своим детским умом суть необычного явления. Когда это произошло во второй раз, он уже успел подготовиться морально и воспринял непривычную ситуацию более-менее спокойно. Ах, какое же это пьянящее ощущение свободы и безнаказанности! Самым трудным оказалось не проснуться окончательно. Ты находишься на столь тонкой границе между сном и реальностью, что, кажется, даже легкое дуновение ветра, будь то во сне или в реальной жизни, заставит тебя пробудиться. И уж, конечно, ты можешь проснуться в любой момент по своей собственной воле. И надо иметь большие способности, и приходится прикладывать серьезные усилия, чтобы не дать этой воле воплотиться в реальности.

Во второй раз ему удалось продержаться несколько полноценных минут, и, пожалуй, он испытал тогда самые яркие эмоции в своей жизни. Он еще ничего не знал и не умел делать во сне, не представлял, какие возможности открывает это новое для него состояние. Все это он понял несколько позже. Пока он мог лишь оценивать и познавать нереальность происходящего, наслаждаться свободой, совершать что-то такое, что всегда хотел сделать, но не мог себе позволить в реальной жизни.

Проснувшись, оставаясь во сне, получалось на первых порах чрезвычайно редко, от силы несколько раз за год. Собственно, пробуждение происходило помимо его желания, по совер-

шенно непонятным принципам, в соответствии с неведомыми ему законами. И оставалось неясным, что создает необходимые условия для управляемого сна и как вызвать их искусственно. Но Арсений очень любил такие моменты и сполна наслаждался ими, несмотря на то что всегда после подобных ночных приключений чувствовал себя изрядно уставшим и разбитым, поскольку был лишен полноценного отдыха.

Сначала он со свойственным ему усердием бросился реализовывать свой неудовлетворенный юношеский эротизм. Каждый раз, осознав себя во сне, он, памятуя о высокой опасности в любой момент проснуться, стремился как можно быстрее найти какую-нибудь более-менее приличную девушку, проходящую неподалеку, с целью немедленно заняться с ней сексом. Девушки во сне все сплошь попадались доступные и на все согласные, правда, немного индифферентные. Никогда не возражали и всегда вели себя ровно так, как Арсению того от них и хотелось. Впрочем, поскольку во сне самой большой неприятностью было то, что он мог проснуться, возможная необходимость применения насилия его тоже особо не волновала. Почему нет, если даже грубым и циничным своим поведением он ровным счетом никому не доставит неудобства или неудовольствия? Да и наказания никакого, очевидно, не последует, ведь это всего лишь сон.

Очень скоро он начал привыкать и подмечать некоторые закономерности происходящего. Все живые существа вокруг него строго и беспрекословно подчинялись всем его желаниям. Нет, то есть поначалу они демонстрировали видимость разумного волеизъявления – вели себя как-то, всегда по-разному, в зависимости, наверное, от изначального сценария сна. Но как только Арсений обращал на них свое высочайшее внимание, они либо замирали, не зная, что предпринять до того, как будет высказана воля хозяина, либо, если эта воля уже была определена, немедленно приступали к ее неукоснительному исполнению.

Затем он заметил, что обладает во сне уникальными способностями. Например, он мог материализовывать предметы, если, конечно, термин «материализация» вообще может быть применим к происходящему внутри сновидения. Однажды ему привиделось, будто они с друзьями готовятся к вечеринке. Они сходили в магазин, купили продукты согласно заранее подготовленному списку, и на обратном пути, уже на подходе к дому, вдруг порвался пакет, и все купленное рассыпалось, разлилось, разбилось – в общем, оказалось мгновенно уничтоженным. Арсений было расстроился, ведь придется заново тащиться в супермаркет, опять потребуется собирать деньги, но в этот момент у него случился тот самый акт дремотного осознания. Тогда он взял в руку новый пустой пакет, словно несет его из магазина. И просто стал вслух перечислять те продукты, которые они планировали к сегодняшнему застолью. Пакет в руке послушно тяжелеет, наполняясь необходимыми товарами. В конце концов, мысли в голове закончились, но ощущение не вполне решенной задачи почему-то осталось. И тогда он подумал: «Да что ж я должен все помнить, что ли? Не царское это дело! Я во сне, или я не во сне! Я волшебник здесь или кто!? Хочу подарок от Бога, пусть сам решит какой!» В тот же миг он увидел торчащий из пакета кончик шикарного французского багета. «Точно, – подумал Арсений, – про хлеб-то я и забыл! Спасибо!»

Кроме того, во сне он умел летать. Как угодно – высоко или низко, далеко или близко. Правда, не очень быстро. Превысить некий, неизвестно кем определенный предел скорости, он почему-то не мог. Впрочем, обычно этого вполне хватало. Также он мог с легкостью закладывать мячи в баскетбольную корзину сверху в высоком прыжке, хотя в реальной жизни сделать этого ему никогда не удавалось. Данное обстоятельство и стало чуть позже тем самым признаком, который позволил ему хоть в какой-то степени целенаправленно управлять своими пробуждениями во сне. Ведь он не умеет летать в реальной жизни, не умеет класть мячи в корзину сверху. И если ему удалось подобное – значит, дело ясное, он во сне! Этого оказалось вполне достаточно, чтобы благодаря новому открытию осознавать себя внутри сновидения гораздо чаще. Позже у него появились и другие надежные индикаторы, которые, случа-

ясь исключительно во сне, давали ему ясно понять, что это сон и есть. Например, ему часто виделось в ночных кошмарах, что он пытается включить свет, щелкает всеми выключателями подряд, но свет не загорается. Тогда Арсений научился использовать сей неприятный момент в своих интересах, и пугающие ужасики сразу же превратились в удивительные и увлекательные приключения.

Но кое-что он не умел делать даже во сне. А может быть, пока не умел, ведь его никто и никогда не обучал этому целенаправленно. Что сам постиг, тем и вынужден был довольствоваться. Он не мог изменить декорации вокруг себя. В каком месте проснулся, в том и приходилось весь остаток сна находиться. Он, конечно, мог перемещаться, лететь куда-то, окружающее пространство не имело видимых границ, но приходилось лишь констатировать ту или иную смену пейзажа, не имея возможности повлиять на него в целом.

И еще он не мог явить перед собой того или иного конкретного человека. Точнее, можно было, например, заставить тотчас появиться из-за угла некую абстрактную девушку, но вот со знакомыми людьми дела обстояли гораздо сложнее. Если нужный человек уже находился в его сновидении, он управлял бы им точно так же, как и любым другим. Но если же он изначально не присутствовал, создать его не удавалось никоим образом. Чего он только не пытался делать! Даже летал по всем закоулкам сна, пытаясь отыскать какие-то признаки знакомых улиц, чтобы привязаться к ним и уже затем найти нужный адрес, лелея слабую надежду отыскать по этому адресу столь желанного ему персонажа.

И все же это было очень здорово! Здорово почувствовать себя волшебником! Хоть иногда, хоть на час! Пусть даже не в полной мере. «Вот бы так в реальной жизни», – часто мечтал Арсений после окончательного пробуждения.

* * *

На этот раз Козырев заявился в гости к Мусе Бурхану один. Старый йогин почему-то позвонил ему напрямую и предложил встретиться, хотя до этого они ни разу не общались в отсутствие Малахова. Даже по телефону.

Настроение у молодого человека было замечательное. Экзамены сданы, диплом получен, направление будущей работы избрано. Впереди ожидает новая, взрослая, самостоятельная и интересная жизнь. А беседы с мудрым старцем всегда ему нравились. Они приятно отдавали какими-то таинственными, мистическими, скрытыми знаниями. И хотя сам он считал подобные практики ненаучными, все же накопленная в них мудрость тысячелетий поневоле заставляла относиться к ним с должным почтением.

Свято следуя своей извечной манере сразу же переходить к самой сути вопроса, Муса не стал долго ходить вокруг да около и буквально с порога выпалил юноше то, зачем, собственно, и пригласил его в гости:

– Арсений, я хочу предложить тебе стать моим личным учеником. Я долго думал, прежде чем сделать тебе подобное предложение, и счел, что мы с тобой сможем стать хорошей командой. Во всех индийских практиках чрезвычайно важно, чтобы учитель и ученик подходили друг другу духовно, и я считаю, что это как раз тот самый случай.

Такой постановки вопроса Козырев никак не ожидал. Он вообще с трудом себе представлял, что значит быть учеником с чисто восточной точки зрения, не понимал четко конечной цели обучения и уж тем более даже предположить не мог, в чем именно заключается собственно процесс познания. Однако он умело скрыл свою первую, явно негативную, реакцию, дав тем самым возможность хозяину высказаться более подробно.

– У нас в стране, Арсений, чрезвычайно трудно встретить настоящего, подлинного гуру. Слишком много людей соблазняются внешней стороной медали, еще большее их количество и сами-то знакомы с древней тайной культурой слишком поверхностно. Это все не годится!

Я же смогу передать тебе то, что собирал по крупицам в течение всей своей долгой жизни! Сначала в нашей странной, необычной стране йогические практики были под запретом. Потом, наоборот, стали слишком модными, а следовательно, общедоступными и низкопробными. У меня же были хорошие учителя и доступ к самым истинным, сокровенным знаниям! Из тех, что тысячелетиями передаются только из уст в уста, да и то лишь самым достойнейшим из шишиа.

– Муса Джи, вы застали меня врасплох. Я буквально даже не знаю, что и ответить.

– А я вовсе не требую от тебя ответа здесь и сейчас. Это очень хорошо, что ты не прокричал радостно: «Да, я согласен, учитель!» Для столь важного дела требуется взвешенное и продуманное решение. Ведь ему потом придется следовать всю свою жизнь.

– Да, я это понимаю.

– А чтобы тебе было над чем именно думать, я расскажу тебе еще кое-что. Конечной целью йоги является достижение мокши. Ты это знаешь. Это долгий и тяжелый путь, но и в конце него мы добиваемся лишь промежуточного результата.

– Промежуточного?

– С точки зрения индуизма мокша и является самоцелью. Прекратить порочный круг самсары, достигнуть полного и окончательного освобождения. Но буддисты, а именно адепты школы махаяны, «Великой колесницы», не останавливаются на этом, ибо чего стоит заслуга достичь личного просветления? Истинно просветленный должен понимать, что существует необходимость избавления от самсары всего человечества! В этом их цель и в этом их жизнь.

– Как-то это чересчур самонадеянно, вы не находите? Я понимаю еще спасти себя, но спасти всех... Разве это правильно?

– Жизнь полна страданий. Даже удовольствия приносят страдания, когда человек их лишается. И чем сильнее страсть, удовольствие, наслаждение, тем сильнее последующие страдания. Даже для великих, сильных мира сего! Огромные возможности исполнения желаний не порождают ничего, кроме еще больших желаний! Что же говорить про простых людей? И я не говорю уже про болезни, про душевные муки. Весь материальный мир соткан сплошь из одних лишь страданий! Так разве может быть цель более достойная и благородная, чем избавить людей от этой незаслуженной боли?

Козырев пожал плечами. Он не знал, что на это возразить, хотя внутренне и не был полностью согласен с йогином. Тот продолжил:

– Я открою тебе самый сложный, но при этом и самый быстрый путь. Слышал ли ты что-нибудь о тантре? Йога учит нас, как избавиться от страстей, тантра – как использовать страсти для достижения своей цели. Это очень опасная, но при этом прекрасная практика! Только с настоящим, истинным гуру возможно овладеть ею. Роль учителя огромна! И я предлагаю стать твоим проводником на этом непростом пути.

Вместо ответа Козырев вдруг спросил:

– Скажите, Муса Джи, а можно ли выйти из круга перерождений, когда все достигнуто и уже больше нечего желать? Является ли скука синонимом просветления?

Вопрос стал полной неожиданностью, но мудрый мужчина не растерялся.

– Скука тоже страдание. Вот видишь, ты и сам начинаешь понимать, что, даже достигнув всего, что пожелаешь, невозможно избавиться от страдания. На дороге просветления нас ждет множество удивительных, волшебных вещей! Ты полностью изменишься, ты овладеешь огромными, колоссальными возможностями. Слышал ли ты о сиддхах?

– Сиддхах?

– Нет предела возможностям для истинно великих йогинов: чтение мыслей, мгновенное перемещение на гигантские расстояния, прорицание будущего, совершенная интуиция. Ты сможешь не спать, не пить, не есть, не дышать. Являть себя в нескольких местах сразу, лечить и воскрешать. Управлять событиями и даже материализовывать любые предметы!

– Вот как? Это интересно! – Арсений будто бы встрепенулся от скучного разговора. Муса успел заметить его реакцию.

– Ты меня не понял. Сиддхи – не самоцель. Это лишь приятный побочный эффект для преданных адептов практики. На том уровне просветления прилежный ученик не воспримет их как награду. Он останется к ним равнодушным. Ты себе сейчас даже представить не можешь всю глубину предстоящего тебе духовного перерождения.

Услышав про предстоящую глубину духовного перерождения, Козырев вновь явно и откровенно заскучал. Бурхан понял, что может потерять ученика, так и не приобретя его.

– Хорошо, я расскажу тебе одну известную поучительную историю про двух братьев. Старший брат стал буддистским монахом и долгих двенадцать лет потратил на практику тантры. Когда он вернулся домой, младший брат попросил: «Пожалуйста, покажи мне, чему ты научился». Старший подвел его к реке, погрузился в глубокую медитацию и через некоторое время встал и пошел через реку по поверхности воды.

Младший брат быстро нашел лодочника, дал ему монету, переправился на другой берег одновременно со старшим и вновь обратился к нему с вопросом: «Скажи, ты двенадцать лет учился тому, что я смог сделать за пять минут?» Старший брат устыдился напрасно потраченного времени, вернулся в монастырь и впредь занимался только истинной самореализацией.

Это я к тому тебе рассказал, что на тернистом пути просветления возможны любые соблазны, правильно избежать которых поможет только мудрый наставник.

В этот момент Козырев уже полностью определился со своим решением. Он и так с самого начала был настроен скептически, а уж теперь поведенная Мусой нравоучительная история утвердила его окончательно. Он деликатно откашлялся и обратился к хозяину с почтительной речью:

– Уважаемый Муса Джи! Я в самом деле невероятно признателен вам за столь великую честь. Не знаю, правда, чем я заслужил такое высокое доверие с вашей стороны, вы ведь меня совсем не знаете. И потому я считаю, что злоупотребил бы вашей добротой, если бы согласился на это щедрое предложение. Но это не главное! – последнюю фразу Арсений произнес несколько громче, чтобы предвосхитить возражения несостоявшегося гуру. – Вы помните ваше же предсказание? Я считаю, что вот она, дикша! Посвящение в ученики. Та, что должна определить мою судьбу. Я не готов. Я считаю, что мы еще не расшифровали послание. И если я сейчас откажусь, то тем самым изменю предначертанное. Я не знаю, правильно ли я поступаю, но сейчас я так чувствую. Надеюсь, что вы меня поймете и простите.

Бурхан явно растерялся. Он и предположить не мог подобного исхода сегодняшней встречи.

– Я только что окончил университет, – продолжал тем временем юноша. – Меня ждет новая интересная работа. Мне хочется сейчас сконцентрироваться на этом. Я верю в науку и ей одной поклоняюсь! Она мой Бог, и в ней моя жизнь! Я ведь столько этому учился!

– Учился... – задумчиво повторил йогин. – Учиться можно разному и по-разному. Вот ты, Арсений, образованный человек по современным меркам. Как ты сам говоришь, окончил университет. Не последний студент в своем выпуске. Возможно, даже первый. Но кто бы ты был, если бы не родители, не школа, не вуз? Те, кто передали, вложили в тебя опыт поколений предков. Пойми, я ничуть не умоляю твоих личных заслуг. Ты все это правильно воспринял, осознал, впитал в себя. Теперь, я уверен, будешь развивать науку дальше и сам откроешь много чего нового и полезного. Всего того, что сможешь передать потом своим потомкам. В этом путь цивилизации.

А теперь представь... представь, что ты родился в другом месте и с пеленок в тебя вкладывали не современные физико-математические знания, а практики древних тибетских школ. А если не только ты, а и все вокруг тебя постигали бы исключительно одни лишь эти только знания? Как ты думаешь, эта гипотетическая, другая цивилизация сильно бы отличалась от

нашей, теперешней? То-то и оно! Мы рабы наших представлений. Отрешиться от них, подняться над реальностью и узреть истину очень мало кто способен.

Арсений согласно кивнул.

– Ну ладно, – Муса Бурхан вдруг резко и внезапно подвел итог всей их встречи. – Спасибо тебе за откровенность. Я ценю прямоту и честность. Надеюсь, у нас еще будет возможность вернуться к этому разговору, а у тебя – шанс передумать. В любом случае я уверен, мы останемся с тобой добрыми друзьями, и я всегда буду рад видеть тебя рядом.

Козырев снова кивнул, простился с почтенным старцем и поспешно вышел на улицу.

Глава 2

Лаборатория Акименко размещалась в одном из зданий знаменитого на весь мир института, построенного еще при Сталине. Архитектурный ансамбль, состоящий из нескольких гармонично дополнявших друг друга корпусов, уютно расположился на Ленинском проспекте, посреди густой зелени старого парка. Территория института со всех сторон опоясывалась массивным забором с красивой кованой оградой и с не менее красивыми, внушительными воротами.

С трепетным волнением Арсений переступил порог кабинета первого в своей жизни начальника. Станислав Сергеевич оторвал голову от бумаг, искренне обрадовался и вышел из-за стола навстречу гостю.

– В отделе кадров был уже?

– Да, как раз прямо оттуда.

– Ну тогда поздравляю с присоединением к нашему дружному коллективу! Мы тут планируем один прелюбопытнейший эксперимент, вот ведь как, им и займешься! Пойдем, я тебя всем представлю!

Они вышли из кабинета, преодолели несколько метров по коридору и очутились в большом общем зале с высоченными потолками и огромными окнами, в котором просторно расположились на своих рабочих местах двенадцать сотрудников. С момента появления в институте Арсения не покидало ощущение некоторого декаданса, заметной запущенности некогда былой роскоши. Нет, вокруг было вполне чистенько и аккуратно. Но краска на стенах давно не обновлялась, местами облупилась, и даже кое-где бахромой свисали ее ошметки. На дубовом паркете пола отчетливо выделялись протоптанные сотрудниками дорожки, а дорогая мебель за долгие годы эксплуатации изрядно расшаталась и поистерлась. Приборы и установки были далеко не новыми, чувствовалось, что они поддерживаются в рабочем состоянии путем героических усилий инженеров, которые благодаря своей высочайшей квалификации и природной смекалке приноровились изготавливать разнообразные запасные части буквально из ничего, доставать их «из ниоткуда». При этом многие из отремонтированных и доработанных ими агрегатов по своим характеристикам даже превосходили изначальные заводские. Компьютерный парк отличался разнородностью. Козырев невольно отметил, что машины приобретались бессистемно, время от времени, при появлении необходимых средств.

Акименко поприветствовал сотрудников и сразу перешел к делу:

– Коллеги, минуточку внимания! Послушайте меня, хочу вам представить: Арсений Павлович Козырев, с сегодняшнего дня он будет работать вместе с нами. Леночка, – обратился он к молодой сотруднице, – прошу вас, организуйте Арсению Павловичу рабочее место. Ему потребуется компьютер, ну и что там еще, вы лучше знаете. Помогите раздобыть все необходимое!

Затем он повернулся к невысокому мужчине лет 30–35 с залысинами и темными волосами и маленькими бегающими глазками, одетому в мятый коричневый костюм:

– Сергей Львович, возьмите, пожалуйста, шефство над Арсением Павловичем. Проводите его в нашу святая святых, покажите там все, расскажите. В общем, введите в курс дела. Парень он сообразительный, вот ведь как, я думаю вы поладите!

Акименко удалился.

– Ну пойдем, студент, – сказал мужчина Арсению, как только дверь за начальником лаборатории закрылась, – посмотрим, на что ты способен в общем-то случае. Моя фамилия Цыпкин, но ты меня зови Сергей Львович.

Они спустились по лестнице в довольно глубокий подвал. Сразу за массивной сейфовой дверью со знаком «Осторожно, радиоактивность!» начинался длинный просторный коридор. Кроме входной в нем было еще пять дверей: две слева и три справа. Цыпкин открыл первую из

правых и пригласил Козырева войти. Они оказались в комнате размером примерно шестьдесят квадратных метров. Вдоль левой стены размещались рабочие места, оборудованные компьютерами и различными физическими установками. В центре другой стены, противоположной ко входу, располагалась основная панель управления размером с хороший трехстворчатый шкаф. Перед панелью стоял большой стол. Он, как и панель, был усыпан всяческими индикаторами, тумблерами, кнопками и рычажками.

Вдоль правой стены стояли шкафы, забитые документами, диван, кресла и журнальный столик. На столике в беспорядке валялись разнообразные журналы и газеты.

Это центр управления синхротроном, – начал Цыпкин. – Слева – рабочие места для проведения экспериментов и анализа результатов. Прямо перед тобой – центральный пульт. За пультом – дядя Лева, для тебя – Лев Семенович Бриль, главный инженер всего этого безобразия. Ни один серьезный эксперимент не обходится без его участия, ну и тебе, естественно, тоже придется с ним работать.

Лев Семенович полностью оправдывал свое имя и был похож на старого доброго льва: его седые волосы, как на голове, так и на пышной бороде, торчали в разные стороны, создавая большую густую «гриву». Можно было также подумать, что его кто-то либо только что сильно напугал, либо подключил к источнику высокого напряжения. Завершали образ классические очки в массивной, роговой оправе на характерном носу.

Лев Семенович поднялся со своего места и приблизился к посетителям. Протянул руку, откровенно и с интересом разглядывая Козырева с головы до пят. Козырев пожал ее и представился:

– Арсений, очень приятно! – юноша не смог сдержать улыбку. Имя слишком уж точно соответствовало внешнему виду главного инженера. К счастью, Бриль и не думал воспринимать спонтанную реакцию гостя как насмешку.

– Добро пожаловать! Всегда рады свеженькой молодежи, – радушно сказал он.

– В соседнем помещении, – продолжил тем временем экскурсию Сергей Львович, – собственно ускоритель, а еще дальше по коридору – инжектор элементарных частиц. Если будешь себя хорошо вести и договоришься с дядей Левоу, он тебе потом когда-нибудь все это покажет.

После того как физика забралась глубоко внутрь вещества, было открыто строение атома, его ядра, элементарные частицы и способы их взаимодействий – наблюдать происходящие явления воочию стало невозможно. Ученым пришлось придумывать новые методы исследований. Одним из основных таких методов стал анализ последствий соударения элементарных частиц, обладающих высокой энергией, друг с другом или с веществом. И чем выше энергия, тем больше информации можно получить, анализируя итоги такого взаимодействия. Чтобы добиться необходимого эффекта, предстояло научиться как следует разгонять частицу. Чем быстрее она двигалась, тем выше энергия соударения, тем более интересные результаты поступали в распоряжение ученых.

Поскольку многие частицы имели электрический заряд, логичным образом напрашивалась идея использовать для их ускорения электрическое поле. Сначала появились линейные ускорители – в них частица разгонялась в прямой трубе. Но неизбежные ограничения по длине канала не давали возможности достичь высоких энергий: при скоростях, сравнимых со скоростью света, даже самая длинная труба слишком быстро заканчивалась. Тогда ученые стали пытаться запускать частицы по кругу. Появились циклотроны для ускорения протонов и бетатроны – для электронов.

Но вскоре и этого оказалось недостаточно. Протон от такой непростой жизни изрядно прибавлял в весе и прилетал к ускоряющим электродам не вовремя, в тот момент, когда поле имело противоположное направление, и, вместо того чтобы ускоряться, наоборот, снижал скорость. Электрон же начинал совершенно неприлично излучать направо и налево электромаг-

нитные волны, которые уносили вместе с собой львиную долю достигнутой с таким трудом энергии.

Тогда ученые стали пытаться синхронизировать момент воздействия ускоряющего электрического поля с местоположением частицы, а также менять по хитрым законам магнитное поле, которое заставляло частицы постоянно находиться на нужной орбите. Появились синхротроны, синхроциклотроны и синхрофазотроны.

Но самого факта соударения частиц явно недостаточно. Необходимо его зафиксировать, а кроме того, каким-то образом записать последствия его свершения. Например, сфотографировать треки частиц до и после взаимодействия. И уже на основании этих треков делать выводы о том, какие частицы и с какими энергиями образовались после соударения. Таких способов регистрации результатов за все время исследований придумали множество, а приборы, которые позволяют осуществить это на практике, назвали детекторами или регистраторами.

Синхротрон, на который Цыпкин привел Козырева, строился в пятидесятые годы двадцатого века, а посему был хоть и заслуженным, но уже довольно-таки старым. Конечно, его не раз модернизировали, но все же он казался дедушкой среди прочих российских ускорителей.

Благодаря Малахову, а также отчасти обширным родительским связям в царстве физики Козыреву и раньше приходилось бывать и даже работать на более современных и мощных синхротронах. Основные эксперименты, в которых он участвовал, проводились на ускорителе в одном из городов ближайшего Подмосковья. Тот был моложе на двадцать лет и почти вдвое мощнее этого. Но самые яркие эмоциональные впечатления Арсений получил в пятнадцать лет, когда отец взял его с собой в командировку в новосибирский Академгородок. Вот где Арсений сполна ощутил и прочувствовал на себе всю мощь советской атомной индустрии. Возможно, конечно, все дело было в юношеской впечатлительности, но тогда он впервые понял, каким масштабным, сложным и важным делом всю жизнь занимались его родители. И факт этот впоследствии сыграл не последнюю роль при выборе им будущей профессии.

В огромных залах глубокого подземного бункера со стенами и дверьми толщиной в два метра, которые приводились в действие мощными электродвигателями, поселились технические монстры современной ядерной науки.

Лазер на свободных электронах, размер которого не меньше теннисного корта, почему-то расположился на потолке одного из помещений. Проходя под ним и подняв голову, можно было увидеть сплетения толстых металлических паучьих лап, хищно обвивающих попавших в плен железных жуков и других фантастических насекомых.

От вида и мощи различных ловушек захватывало дух: они позволяли удерживать плазму при температурах в миллионы градусов; амбиполярная адиабатическая, целиком занимающая зал в несколько этажей; газодинамическая, похожая то ли на необычный ракетоноситель, то ли на космическую станцию; многопробочная всем своим видом давала понять, что она тут чужая, попала сюда случайно и занесена в нашу цивилизацию по непонятной прихоти проведения неким неизвестным инопланетным разумом.

Ну и, конечно же, синхротроны. В туннеле кольца одного из них, правда недостроенного, могли запросто разъехаться два автобуса. А всего различных ускорителей в новосибирском институте существовало в то время аж целых четыре!

Цыпкин подошел к одному из шкафов, достал оттуда несколько папок.

– Это описание установки, – первая папка легла на стол перед Арсением, – здесь полная информация о том, как и что нужно настраивать, – начал объяснять он. – Далее (вторая папка легла на первую) пользовательская инструкция к программному обеспечению. Программа разработана лично нами, предмет нашей гордости и незаменимый помощник в работе. Позволяет анализировать результаты эксперимента, причем в том числе и в режиме реального времени! Внутри папки кроме бумаг дискета. На ней – конфигурационные файлы. В них тоже нужно будет внести необходимые значения в соответствии с предполагаемым экспериментом.

Сергей Львович открыл портфель и достал оттуда еще одну, желтую, папку-скоросшиватель.

– А это описание самого эксперимента, а также рассчитанные параметры на основании теоретических данных. Необходимо обеспечить работу ускорителя в соответствии с этими параметрами. Для этого смотришь первую папку, разбираешься с работой установки и заполняешь специальные формы, вот эти, – он указал на стопку бланков и одновременно увенчал пирамиду документов увесистой синей папкой.

Цыпкин попеременно открывал многочисленные тома и тыкал пальцем в разнообразные таблички, объясняя, какие числа куда надо заносить.

– Все эти формы после заполнения подписываешь у Акименко и передаешь Льву Семеновичу. А потом вместе с ним по данным утвержденных форм настраиваешь ускоритель для эксперимента. До начала остался месяц. Две недели тебе на изучение материалов и две недели на подготовку установки. Вопросы есть?

Арсений со страхом глядел на груды бумаг, папок, формуляров. Неопределенность всегда пугает. Нет, конечно, задача не была для него такой уж новой. Ему приходилось участвовать в подобных исследованиях и раньше, но тут все было как-то незнакомо и непривычно.

– Пока нет, но обязательно появятся, – понуро ответил он Цыпкину.

– Тогда свободен. Вперед, за дело!

Козырев направился к выходу.

– Удачи, – сказал вслед ему Лев Семенович, все это время молчаливо наблюдавший за введением новичка в курс дела, – будут проблемы или вопросы – ты заходи, не стесняйся! Всегда рад помочь!

Когда за Арсением закрылась дверь, он обратился к Цыпкину:

– А ты не слишком круто с ним? Пацан молодой еще совсем.

– Не переживай, дядь Лёв, – Сергей Львович удовлетворенно и самодовольно глядел вслед ушедшему новобранцу. – Никто его одного под танки не бросит! Пусть профессорский сынок понервничает и попотеет. А то знаем мы таких! Привыкли вечно выезжать на родительской опеке!

* * *

На следующее утро Арсений сидел на своем рабочем месте, с головой погружившись в кипу документов. Компьютера у него еще не было, да сейчас он и не требовался. Молодого человека переполняло желание не ударить в грязь лицом. После первого знакомства с задачей она уже не казалась ему столь ужасной.

Ближе к обеду в их общую комнату зашел Акименко. Поздоровавшись, он направился напрямик к Козыреву. Положил ему на стол несколько листов с текстом и сказал:

– Арсений Павлович, я прошу вас подготовить отзыв вот на эту прелюбопытнейшую статейку. Очень интересно было бы узнать ваше мнение, вот ведь как! Отзыв мне нужен к пятнице.

– Хорошо, – удивился Козырев, – я постараюсь.

Шеф удалился, а Арсений еще некоторое время пытался понять, почему именно ему поручили столь ответственное задание. Он еще ни разу не писал отзывы, да и вообще пока не считал себя вправе официально высказываться по поводу работ других, настоящих и опытных, ученых. Но приказ есть приказ, раз начальство поручило – придется исполнять.

«Ничего, – подумал про себя юноша, – есть еще три дня, я успею». Однако все оказалось не так просто. Статья была, прямо скажем, неоднозначной. Арсению никак не удавалось до конца разобраться в путаных идеях автора. Да и выводы на первый взгляд казались несколько нелогичными. К тому же дамокловым мечом висела необходимость подготовки эксперимента.

Времени на эту работу оставалось немного, и он не мог ее полностью игнорировать. В четверг вновь зашел Акименко и напомнил про отзыв. Сразу же после его ухода Цыпкин подсел к столу Козырева:

– Чего у тебя там с отзывом? Статью прочитал?

– Прочитать-то прочитал, но отзыв пока не готов. Впрочем, есть еще целый день, я успею.

– Какой день? Если отзыв нужен к пятнице, значит, ты его должен передать шефу уже сегодня, и чем раньше – тем лучше. А если он не понравится и придется переделывать, ты об этом подумал, умник? Тебе сейчас надо землю грызть, чтобы авторитет заработать, а ты сопли жуешь!

Арсений расстроился. Ему совсем не хотелось подводить руководство. Он растерянно смотрел на Сергея Львовича. Тот несколько смягчился:

– Ладно, студент, мы тут тоже не звери, в общем-то случае. Неспроста ведь Акименко мне поручил присматривать за тобой. Мудрость, она с годами приходит. На вот, держи отзыв. Отдашь шефу, скажешь, сам написал. Будешь должен, потом сочтемся.

Козырев с удивлением взял бумагу у Цыпкина и погрузился в чтение. По завершении процесса удивление переросло в недоумение:

– Мне кажется, нам следовало бы написать несколько иначе. Нас учили...

Цыпкин не дал ему договорить:

– Забудь все, чему тебя раньше учили, умник! На самом деле ты ничего не знаешь!

Арсению забывать почему-то не хотелось, но Цыпкин настаивал:

– Я здесь работаю уже больше десяти лет, знаю всё и вся, так что теперь я для тебя и царь, и Бог. Слушай, что я тебе говорю, и все будет в порядке!

Арсений равнодушно относился к царям. Бога же представлял себе совершенно иначе. Тем не менее он промолчал. Сергей Львович, чувствуя его неуверенность, сменил начальственный тон на доверительный:

– Послушай, работа хорошая. Я это знаю, и Станислав Сергеевич тоже это знает. Или ты думаешь, что автор не знал, чего ожидать от Акименко? Конечно, знал, иначе не послал бы ему статью на отзыв. К тому же мир науки тесен. Сегодня ты написал хороший отзыв, завтра тебе напишут. Это жизнь, студент, привыкай! Давай, бери бумажки, дуй к шефу!

Козырев подошел к кабинету и в нерешительности остановился. Потом постучал и зашел внутрь. Начальник сидел за столом, склонившись над бумагами. Услышав, что кто-то вошел, поднял голову:

– А, это ты, давай, что там у тебя?

– Отзыв, Станислав Сергеевич.

– Уже написал? Молодец, носи сюда. Присядь пока, подожди, я прочитаю.

Арсений робко присел на краешек стула. Не отрывая взгляда, он смотрел на шефа. Акименко принялся изучать документ. Поначалу его лицо выражало интерес и предвкушение, однако закончив чтение, он с откровенным разочарованием, которое не предвещало ничего хорошего, посмотрел на Арсения. Тот быстро сообразил, в чем дело, и попытался было оправдаться:

– Так я же ведь...

Но, не закончив фразу, он понял, что уже слишком поздно. Объяснять что-либо бесполезно. Сам виноват, сам подставился.

* * *

В понедельник утром Арсений немного опоздал на работу. Ученым платили мало, в науке оставались только энтузиасты и настоящие фанаты своего дела. На дисциплину смотрели сквозь пальцы, посещение было относительно свободным. Он поднялся по лестнице на второй

этаж и открыл дверь в коридор, ведущий в его лабораторию. Откуда-то сзади и немного сверху прозвучал приятный женский голос:

– Арсений Павлович, а вы почему не здороваетесь?

Обернувшись, он увидел Лену Томилину, которая курила на площадке между лестничными маршами, ведущими на третий этаж. Поднялся к ней:

– Извините, Лена, я задумался и не заметил вас.

Лена представляла собой довольно симпатичную, хрупкую, маленькую шатенку с короткой стрижкой и острым вздернутым носиком. Примерно двадцати пяти лет от роду. Тонкий обтягивающий свитер голубого цвета и почти такого же цвета тесные джинсы выгодно подчеркивали ее стройную фигурку.

– Как вам на новом месте? – поинтересовалась она.

– Ничего, привыкаю, интересно. Лена, у меня к вам просьба, зовите меня, пожалуйста, просто Арсений. Как-то непривычно на вы да еще по имени-отчеству. А может быть, вообще перейдем на ты?

– Без проблем, – Лена протянула свою тонкую изящную ручку ладошкой вниз.

Неожиданно Арсений смутился, он почему-то не знал, как ему следует поступить в подобной ситуации: то ли поцеловать предложенную руку, то ли просто пожать. В итоге выбрал второй вариант как более традиционный среди молодежи.

– А вы... ты тут давно? Чем занимаешься?

– Сразу после универа. Я ВМК¹¹ закончила. Вот программки пишу всякие по просьбам сотрудников. Плюс компьютеры обслуживаю, которые тут стоят. Сеть там, все дела.

– Надо же... Странно.

– Что-то не так?

– Нет, ничего особенного. Просто всегда считал, что женщина-программист – это как морская свинка.

– В смысле?

– Ну в том смысле, что морская свинка не имеет никакого отношения ни к морю, ни к свиньям.

Лена широко открыла глаза и даже не сразу нашлась, что ответить:

– Да, ты умеешь сделать женщине комплимент! – от возмущения она слегка покраснела.

– Я как раз имел в виду, что ты опровергаешь своим видом эту теорию. Если разобраться, то это как раз комплимент и был. Неудачный, наверное. Извини, неловко вышло.

– Проехали, забудь. Но прикольная метафора!

– А чего ты тут сидишь, неужели ничего лучше нет?

– Люблю свободу, а тут не сильно напрягают. Плюс интернет халявный. А для денег у меня есть много заказов на стороне.

– Лен, а можно тебе вопрос задать?

– Интимный?

– Почему интимный?

– Наверное, потому, что ты спрашиваешь разрешения.

Арсений улыбнулся:

– Не то чтобы интимный... в общем, можешь мне рассказать про Цыпкина? Станный он какой-то... Мне кажется, он меня, мягко говоря, недолюбливает. Не пойму, в чем дело, вроде бы повода не давал.

– Ну, это как раз просто. После защиты твоего диплома Акименко столько про тебя тут рассказывал. Видишь, даже я в курсе. А Цыпкин всегда ходил у него в любимчиках. Так что делай выводы...

¹¹ ВМК – факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета.

– Это многое объясняет, – задумчиво произнес Козырев.

– Кстати, если он увидит, как мы тут с тобой вдвоем мирно беседуем, он тебя еще больше будет, мягко говоря, недолюбливать.

– В смысле?

– В том самом.

– У вас что, роман? – опешил Арсений.

Лена засмеялась:

– Ну нет, я себя еще не настолько не уважаю! Так, подкатывал пару раз. Я его отшила. Но не думаю, чтобы он сдался. Он из таких, кто к своей цели идет любыми средствами, не мытьем, так катаньем.

Лена глубоко затянулась и выпустила вверх плотное облако сизого табачного дыма. Казалось, интерес к ней Цыпкина совершенно ее не волнует. Ни в положительном, ни в отрицательном смысле.

– Это я заметил, – Арсений решил сменить тему. – На чем пишешь?

– На «плюсах»¹².

– «Если пишешь ты на «Си», будь хоть трижды ламер, про такого говорят: «Он крутой программист!»

– Коллекционируешь старые «баяны»¹³?

Он улыбнулся:

– А знаешь, с тобой как-то... легко, что ли. Будут проблемы с программированием – обращайся!

– Эй, ты чего?! Это была моя реплика! Кто тут из нас новенький? Я тебя самого еще научу кодить¹⁴.

– Осторожней! Я признал, что ты интересная женщина, но к твоим способностям программировать все еще отношусь скептически!

Арсений уже сбежал вниз по лестнице. У дверей он обернулся:

– Рад был познакомиться!

– Счастливо, – прошептала вслед Лена.

В душе она смеялась: «Вот ведь нахал самоуверенный! Но в целом ничего, человек приятный».

* * *

От Лены Козырев направился сразу в кабинет шефа и прямо с порога взволнованно заявил:

– Станислав Сергеевич, в параметрах эксперимента ошибка! Я все выходные проверял, теоретический расчет дает другие результаты!

Акименко встал из-за стола и улыбнулся. Казалось, что негатив, появившийся было у него в отношении Козырева из-за инцидента с отзывом, растаял без следа.

– Заметил? Молодец, порадовал. Присядь, я смотрю, ты прямо с улицы ко мне. Чаю хочешь? – Акименко попросил Валу, плотную блондинку средних лет, которая добровольно взяла на себя роль его секретарши, приготовить два чая.

Козырев снял теплую куртку, положил ее на один из стульев. Сам сел рядом.

¹² «Плюсы» (жарг.) – язык программирования «С++», объектно-ориентированное расширение процедурного языка «С», созданного в 70-х годах Кеном Томпсоном и Дэвидом Ритчи.

¹³ Баян (жарг.) – от слова «байка». Интернетовский сленг. Означает старую, известную историю, которая всем давно надоела.

¹⁴ Кодить (жарг.) – писать исходный код, программировать.

– Видишь ли, в чем дело, Арсений, – продолжал Станислав Сергеевич, – теория действительно предсказывает несколько иные результаты при подобных параметрах. Точнее она предсказывает, что результаты могут быть получены при несколько иных значениях параметров. Просто тот эксперимент, который вы с Цыпкиным сейчас готовите, уже не первая попытка достичь желаемого, вот ведь как. А первая была как раз с теми параметрами, что ты совершенно правильно сейчас рассчитал. Мы тоже их рассчитали, неужели ты думаешь, что мы не проверяли все это множество раз?

– И что же делать?

– Мы пытаемся теперь эмпирически нащупать те самые параметры, которые приведут нас в итоге к искомой цели. Конечно, не вслепую ищем. Думаем, исследуем, пытаемся как-то по-другому интерпретировать теорию.

– Но ведь это означает несовершенство Стандартной модели...

– Да, и тем более значимыми будут результаты в случае их достижения. Фундаментальная наука, мой юный друг, она такая. Но, зная твой характер, рискую предположить, что как раз тебя-то это и не должно смущать. Ты же у нас известный любитель опровергать научные догмы.

– Да, но для этого нужны веские основания. Догмы обычно базируются на прочном фундаменте.

– А мы не боимся трудностей.

Арсения удивили амбиции Акименко. Ему сразу вспомнилось известное изречение советского академика Арцимовича: «Наука есть лучший современный способ удовлетворения любопытства отдельных лиц за счет государства». «С другой стороны, – подумал он, – как еще совершать великие прорывы в науке, если не таким путем?» В голову тут же пришла и другая цитата, на этот раз Эйнштейна: «Если в первый момент идея не кажется абсурдной, она безнадежна». «Ладно, – решил в итоге для себя молодой человек, – наверное, они правы».

Всю дорогу от входа в общую комнату до своего стола молодой человек проделал под пристальным взглядом Цыпкина.

– Ну что, умник, побежал жаловаться начальству, что в моих расчетах ошибки? Обломался? – ехидно поддел он Козырева.

– Как вы догадались?

– Тоже мне, бином Ньютона. Видел, как ты влетел в кабинет Акименко.

К ним повернулся Олег Смирнитский, известный весельчак и балагур, который сидел за соседним столом:

– Кстати о Ньюtone. Слышали свежий анекдот семнадцатого века? Короче, решили Ньютон, Паскаль и Гук поиграть в прятки. Водить выпало Гуку, он отвернулся и начал считать. Паскаль убежал и спрятался, а Ньютон нарисовал на земле квадрат со сторонами метр на метр и встал внутрь. Гук, такой, поворачивается, видит Ньютона и говорит: «О, Ньютон!» Потом смотрит вниз, видит квадрат и произносит: «О, нет! Ньютон на метр квадратный это Паскаль!»

Цыпкин и Козырев молча посмотрели на Олега одинаковыми, ничего не выражающими глазами. Смирнитский со всеми на то основаниями ожидал несколько иной реакции. Он поспешил отвернуться.

– Не тем ты занимаешься, Арсений. Время только свое напрасно тратишь. Готовься лучше к эксперименту, – продолжил Цыпкин.

– Но я все-таки считаю, что Стандартная модель лучше, что есть на сегодняшний день, и так легко отказываться от ее предпосылок не стал бы, – стоял на своем Арсений.

– Узко мыслите, молодой человек! В твои годы надо бы иметь более живые и гибкие мозги. А они у тебя уже зашорены чужими утверждениями.

Молодой человек ничего не ответил. Казалось, все складывается против него. Он повесил куртку, сел за свой стол и погрузился в бумаги.

* * *

Приближалась дата начала эксперимента. Несмотря на первоначальные опасения, Козырев успел и разобраться с настройками синхротрона, и подготовить конфигурацию программного обеспечения. Он еще раз внимательно проверил формы исходных данных и понес их на подпись Акименко. По дороге наткнулся на Цыпкина. Тот заметил в руках Арсения знакомую синюю папку.

– Куда направляетесь, молодой человек? – спросил тот.

– Иду к Станиславу Сергеевичу подписывать формы с настройками синхротрона.

– Ну-ну-ну, разбежался! Остынь! А ты знаешь, что сначала я должен завизировать каждую бумажку, каждый отдельный листочек? Шеф без моей визы даже смотреть не будет.

– Нет, не знал, вы мне об этом не говорили.

– Давай сюда папку. Я проверю и сам подпишу у Акименко. Завтра подойдешь ко мне, заберешь. Если, конечно, ты там не напортачил, как всегда. Если же ты остался себе верен, пойдешь исправлять. Вот только времени у тебя почти не осталось.

Арсений протянул скоросшиватель Цыпкину и направился было на свое рабочее место, но тот снова его остановил:

– А дискета?

– Дискету тоже надо подписывать?

– Дискету не надо подписывать. Послушай, неужели ты действительно решил, что тебе дадут самостоятельно, от начала и до конца, полностью подготовить эксперимент, умник? Давай дискету, говорят тебе, я должен все за тобой проверить!

Пришлось отдать и дискету. Немного расстроенный Козырев поехал домой. И все же дела шли неплохо. Он затратил много сил, справился со сложной задачей, проявил себя и поэтому испытывал заслуженное моральное удовлетворение. Завтра они приступят к подготовке ускорителя и регистраторов, а потом начинается эксперимент, который позволит вновь окунуться в любимую работу, оставив на какое-то время скучную, но необходимую рутину. К тому же он сумел узнать много нового и интересного, что, безусловно, поможет ему в будущем при решении других задач лаборатории.

На следующий день все оказалось в полном порядке. Цыпкин передал ему подписанные листочки, вручил дискету. Арсений радостно побежал в центр управления начинать настройку оборудования. По дороге он встретил Олега.

– Привет, студент! Куда спешишь? – Олег обратил внимание на синюю папку в его руках. – Да вижу-вижу! Что, не терпится начать греть «кастрюлю»¹⁵?

– Ага! – с готовностью подтвердил Козырев. – Наконец-то все готово, хочется поскорее приступить к процессу. Достали меня эти бумаги!

– Ну давай-давай, удачи тебе! – тут Смирнитский как будто что-то вспомнил. – Слушай, ты ведь у нас первый раз идешь настраивать ускоритель?

– Ну здесь да. Собственно, я и раньше в подготовке особого участия не принимал, так, выполнял роль стороннего наблюдателя.

– Тем более! Хочешь, я тебе открою одну великую тайну? Как другу!

– Тайну?

– Ну да! Ты ж новичок, а всех новичков обязательно ждет «посвящение». Дядя Лёва за этим следит неукоснительно!

– Посвящение?

¹⁵ Кастрюля (жарг.) – так физики-ядерщики называют синхрофазотрон, который обычно нужно долго готовить перед началом эксперимента.

– Да! Вот увидишь, вскоре после начала работ он под каким-нибудь надуманным предлогом отправит тебя в помещение ускорителя. А там в самый неудачный для тебя момент, когда ты будешь весь такой сосредоточенный пытаться выполнить его задание, он включит криопомпу. Знаешь, что это такое? О-о-о... Эта штука такая громкая, да прямо под ухом, да еще в закрытом помещении, да еще с прекрасной акустикой. Потом целый день в голове звенит!

– Нормально... – возмутился Арсений. – И чего делать? Не ходить?

– Ну как ты не пойдешь? Тем более что идти туда все равно рано или поздно придется. Не все, знаешь ли, можно настроить с пульта. Но не бойся, я тебе помогу! Вот смотри, – Олег взял листок бумаги и бегло нарисовал простенькую схемку. – Криопомпа отключается в инжекторной. Зайдешь туда и найдешь вот этот тумблер. Он отключит питание криопомпы и с пульта ее запустить уже не удастся. Ты можешь смело идти к ускорителю. Дядя Лёва обломается.

– А как я попаду в инжекторную?

– Открою тебе еще одну страшную тайну, которая уже давно является секретом Полишинеля. Карта доступа, которую он тебе даст, подходит к обеим дверям. Нет, конечно, по хорошему, он должен сделать тебе персональную карту, но он всегда ленится и отдает свою. А она у него от всех дверей.

– Спасибо, но почему ты мне помогаешь? Ты ж обычно и сам любишь подобные приколы?

– Ну да, так я как раз и хочу приколиться над Бриль. Есть за ним один должок. Хватит ему уже всех разыгрывать, пора и его хоть разок. Во-первых, с тобой осечка выйдет, во-вторых, придется ему переться в инжекторную разбираться, что там с криопомпой.

– Ну ладно, спасибо, конечно. Я твой должник!

– Не вопрос, всегда пожалуйста!

Олег оказался прав. Действительно, очень скоро Лев Семенович вынул один из листков синей папки и начал рассказывать Арсению, что тот должен сделать в помещении, где непосредственно и располагался синхротрон. Задание было связано с настройкой одного из регистраторов. Арсений про себя ухмыльнулся.

В коридоре он уверенной походкой продефилировал мимо двери ускорителя и подошел к следующей. Карточка подошла, дверь открылась. Внутри горел свет. Арсений сверился со схемой. В соответствии с ней искомый тумблер находился на противоположной от входа стороне помещения. Для того чтобы его достичь, требовалось обогнуть громоздкий агрегат и протиснуться в узкую щель между двумя какими-то железками. Он еще не успел добраться до тумблера, когда услышал громкий металлический голос:

– Внимание! Установка включена! Радиационная опасность! Вход в помещения ускорителя запрещен! Блокировка дверей включена!

Одновременно в нескольких местах сразу загорелись значки «Осторожно, радиация!». Арсений удивился, но особо не испугался. Предупреждение о радиации поступало всегда, когда установка включалась. Реальная угроза облучения была минимальной. Ситуация с дверьми представлялась более опасной. Но даже если он не сможет выйти сейчас, рано или поздно его ведь хватятся.

Неожиданно наступившую тишину нарушил истошный рев сирены. Зажглось табло «Пожар!». В промежутках между диким ревом тот же металлический голос вещал:

– Внимание, пожар! Всем сотрудникам срочно покинуть помещения ускорителя!

Арсений огляделся по сторонам. Пожара не наблюдалось. И тут его осенило! Пожары в помещениях, начиненных дорогостоящим электронным оборудованием, никогда не тушат ни водой, ни пеной, ни даже порошком! Вместо этого пускают газ. Газ вытесняет кислород, без которого горение невозможно. Но и человек без кислорода, к сожалению, тоже существовать не умеет. Раз сработала система предупреждения о пожаре, значит, скоро сработает и система пожаротушения. Будто в подтверждение его слов тут же зажглись таблички «Осторожно, газ!» и «Покинуть помещение!».

Козырев запаниковал. Он всей кожей ощутил реальную опасность. Что делать? Бежать к двери! Еще есть надежда, что она откроется. Бежать трудно, надо протискиваться, перепрыгивать и обходить препятствия. Бесполезно! Дверь безнадежно закрыта. Арсений в неистовстве метался по помещению. Паника нарастала, он не мог найти решение, а время бежало неумолимо. Он понятия не имел, когда пойдет газ, и эта неопределенность ужасала еще больше. Есть ли у него шанс? Надо что-то делать! Надо делать, но что? Вдруг идея! Здесь должен быть интерком. Обязательно должен быть интерком для связи с центром управления! Где же он? Арсений судорожно шарил глазами по стенам. Хорошо, что свет не отключился. В темноте шансов бы не осталось. Ура! Вот она, заветная коробочка, справа от двери, всего в метре от нее. Он снова бросился к выходу, подпрыгивая и спотыкаясь, ударяясь всеми частями тела о торчащие повсюду острые углы приборов. Добежал, невзирая на боль в ушибленных местах, с бешеной силой нажал на кнопку и диким голосом завопил в интерком, буквально прижавшись к нему губами:

– Лев Семенович! Дядя Лёва! Помогите! Пожар! Я не могу выйти! Я в инжекторе! Двери заблокированы! Помогите! Скоро пойдет газ! Дядя Лёва! На помощь! Эй, кто-нибудь! Кто меня слышит? Меня кто-нибудь слышит? Помогите!

Он яростно дергал входную дверь, надеясь лишь на чудо. Потом вдруг замер и прислушался. Из интеркома доносился дружный, истерический гогот, временами переходящий в непристойное хрюканье. Наконец, все еще смеющийся голос Льва Семеновича, с трудом преодолевая судороги, произнес:

– Выходи, чудик, открыто!

Возвращение Козырева в центр управления вызвало новый приступ всеобщего веселья. К счастью, весельчаков было всего двое: Брилль и Смирнитский. Они стояли перед монитором и увлеченно смотрели запись с видеокamеры наблюдения, расположенной в инжекторной.

– Идиоты! – беззлобно прокряхтел Арсений, качая головой. Он уже начал понемногу приходить в себя после только что перенесенного потрясения. – А если бы я в штаны наложил? Где бы вы сейчас искали мне запасные брюки?

– Я бы тебе робу дал, – дядя Лёва даже не пытался скрыть веселья. – Давай иди сюда. Посмотрим на твои приключения!

С трудом подавляя в себе остатки праведного гнева, Арсений присоединился к двум злобным зрителям. Со стороны прыгающий в истерике человек на экране действительно выглядел потешно. Но у жертвы еще слишком свежи были впечатления от пережитого, чтобы по достоинству оценить всю комичность момента.

– А вот, вот смотри, – заходилась в новом приступе Олег. – Куда это он рванул? Арсений, чего это тебя к той стене понесло?

– Я думал, может, там окно, – смущенно признался тот.

Казалось, сильнее смеяться уже невозможно:

– Окно! На минус третьем этаже! – Смирнитский уже буквально ползал от смеха по полу. – Окно! Куда окно? В преисподнюю, что ли?

Лев Семенович начал понемногу успокаиваться.

– Ладно, Арсений, порадовал, спасибо! Ты мне скажи, чего тебя понесло в инжекторную?

– Ну мне же Олег сказал, я и поверил!

– Все верят! – смеялся Олег.

– А ты проходил инструктаж по технике безопасности? И что же? Нарушил все правила, послушался неизвестно кого. Что написано в инструкции? Ты помнишь?

– Никто никогда не помнит! – продолжал гоготать Олег, снова и снова просматривая запись.

– Вход в любые помещения ускорителя без разрешения дежурного инженера строго запрещен! – незлобно возмутился Лев Семенович. – А ты еще собирался что-то там выключить! Ты хоть знаешь, что это был за тумблер?

– Ему еще повезло, что он не успел тронуть этот тумблер! Нет, дядя Лёва, а все-таки хорошо получилось! Я говорил тебе, что нужно включать именно в такой последовательности: сначала радиация, потом пожар!

– Враги, – качал головой Арсений. – Я вот только одного не пойму: зачем потребовался весь этот сложный спектакль с участием Смирнитского? Просто сказали бы мне: «Иди туда!» Я бы и пошел, даже и не заподозрил бы ничего.

– Э, не-е-е! – возразил дядя Лёва. – Мы не садисты. Мы учим людей, воспитываем, а не издеваемся над ними. А смех – это так, приятный побочный эффект. Такой урок запоминается на всю жизнь! Поверь, теперь ты никогда не полезешь туда без разрешения. Каждый раз, когда будешь видеть эту дверь, картинка будет всплывать в голове, как живая. А если бы ты не поперся туда, куда тебя не просили, так ничего бы с тобой и не случилось! Так что это всего лишь урок. Наглядный, полезный и специально для тебя, для твоей же пользы!

– Ты еще молодец, – добавил Олег, – мало кто вспоминает про интерком.

– Да, и не расклеился, – поддержал товарища дядя Лёва, – воспринял адекватно. Знаешь, какие тут истерики бывали. О-о-о! Часами не могли в себя прийти!

Арсений все еще пребывал под впечатлением. Шок он испытал приличный, зато теперь как заново родился. А урок он действительно запомнил на всю жизнь.

Неделя пролетела быстро. Козыреву понравилось работать с дядей Лёвой. Очень скоро тот позволил ему называть себя так. Бриль являлся настоящим фанатом своего дела, а ускоритель олицетворял для него целый мир! Он не представлял своего существования без этого могучего агрегата. Поэтому и к Арсению он отнесся сначала с пониманием, а потом даже с уважением, когда увидел искреннее желание и упорное стремление молодого человека побыстрее всему научиться и сделать работу как можно лучше.

Юноша с удовольствием возился с техникой, выполнял любые поручения дяди Лёвы и как губка впитывал в себя все, что тот говорил. Он вполне освоился в подземном комплексе, чувствовал себя там как дома и даже не боялся заходить в любые помещения, правда, необходимость предварительно получить разрешение он помнил, как «отче наш».

Возиться с железками оказалось гораздо интереснее, чем с бумажками. Козырев еще в институте ощущал особую тягу именно к экспериментальной физике. А тут создавалось впечатление, что ты полноправный властитель над всеми этими сложными и дорогостоящими агрегатами. И они сделают для тебя все, что ты пожелаешь. В пределах своих возможностей, конечно же.

Накануне эксперимента оставалось сделать последнее приготовление – настроить программное обеспечение для контроля хода эксперимента и анализа его результатов. Собственно, настраивать там было особенно нечего, следовало лишь загрузить конфигурационные файлы с дискеты и еще раз убедиться, что программа работает корректно.

Арсений удобно расположился в кресле перед монитором. Достал дискету и приготовился вставить ее в дисковод. Неожиданно ему в голову пришла какая-то мысль. Он встал, подошел к вешалке и снял оттуда свою сумку. Из сумки вынул другую дискету. Сверил конфигурационные файлы, находящиеся на двух разных дискетах. Файлы отличались. Козырев задумался. Приняв решение, он достал из кармана куртки третью дискету, вставил в дисковод именно ее, скопировал файлы на диск. Выбрал в меню пункт загрузки конфигурации, указал путь к скопированным файлам, положил палец на клавишу, еще несколько секунд подумал и решительно нажал Enter.

* * *

К началу собственно измерений установка должна была в течение нескольких дней выходить на заданный режим мощности. Дни текли спокойно и размеренно. Дежурная смена инженеров следила за синхротроном, ученые изредка заходили в центр управления, дабы посмотреть за ходом «нагрева». Арсений в спокойном режиме продолжал изучать особенности работы лаборатории, а заодно ближе знакомился с другими сотрудниками.

Обычно спокойную, в чем-то даже скучную обстановку взорвали первые же результаты измерений. На пятый день эксперимента Цыпкин ворвался в кабинет шефа, тряся перед собой распечаткой свежих данных. Он пребывал в состоянии чрезвычайного возбуждения:

– Станислав Сергеевич! У нас ЧП! Я ничего не могу понять! Это какое-то дежавю, мистификация!

– Ты толком можешь объяснить, что случилось? – Акименко зарылся его волнением.

– Если верить здравому смыслу, то быть такого не может, но это есть! Или я сошел с ума!

– Ну рассказывай же, не томи! Что там у вас произошло?

– Конечные результаты в точности повторяют результаты того, самого первого, нашего эксперимента!

– Однако! – шеф возбудился не на шутку. – Интересно! Но ведь так не бывает!

– Правильно, не бывает! Но тем не менее факт остается фактом. Посмотрите!

Акименко взял распечатку и пробежался по ней глазами.

– Вы уверены, что они в точности такие же?

– Естественно, я их тогда на всю жизнь запомнил! Вы же помните, мы ждали совсем других результатов. И вдруг эти. Сколько раз перепроверяли, немудрено запомнить.

Лидер группы немного растерялся. Как же так. Это ж ерунда какая-то. Ни в какие ворота не лезет. Что бы ни делали, получаем одно и то же. Но как бы там ни было, нужно срочно разбираться. Он приказал Цыпкину:

– Вот что, через полчаса собери-ка всех в помещении пультовой. Обеспечь присутствие Бриля и Козырева. Посмотрим, что за чудеса там у вас творятся!

Искусно имитируя служебное рвение, Сергей Львович убежал исполнять поручение, а Акименко сел за стол и глубоко погрузился в свои мысли. Серия неудач серьезно подорвала его авторитет в научных кругах, но это было не самое страшное. Страшнее было то, что он начинал терять веру в себя. Казалось, что он бьется головой об стену, а стена эта настолько крепка, что даже не замечает его усилий. И он был не один, он отвечал за целую лабораторию, вел за собой людей, которые по его вине безуспешно бились об ту же непрошибаемую стену. В институте и так уже остались только самые верные и преданные ученые, потерять их означало прекратить существование лаборатории. Столько выдающихся умов до него руководили ею, создавали и развивали, вкладывали в нее свой талант и свои силы. А что ему, неужели суждено стать могильщиком? И мысль эта была невыносимой.

Коллектив озадаченных единомышленников в составе Акименко, Цыпкина и Бриля всеми силами пытался вникнуть в смысл произошедшего. Они стояли кучкой у монитора одного из рабочих мест в центре управления. Того самого рабочего места, на котором Арсений несколькими днями ранее настраивал программное обеспечение. Козырев же спокойно сидел в одном из кресел и, казалось, мало интересовался происходящим.

– Та-а-а-к... – задумчиво произнес Станислав Сергеевич. – Действительно, прямо как под копирку!

– О чем я и говорил!

– Результаты выглядят невероятными! Ну, и какие у кого будут мысли?

Обалдевшие коллеги лишь пожали плечами.

Внезапно у Акименко появилось предположение:

– Интересно, Лёва, а ты чего это такое настраивал?

– Чего принесли, то я и настраивал. Что ты, Стас, меня первый день знаешь? У меня с этим строго!

– А ну дай чего тебе принесли...

– Вот, пожалуйста, смотри! – Бриль открыл синюю папку. – Дату видишь? Подпись видишь? Заглянем внутрь: каждый листок подписан. Подпись узнаешь свою? Серега, а ты свою узнаешь?

– Так-так-так, интересно! Ну-ка позвольте поближе. – Цыпкин взял папку из рук Акименко. – Станислав Сергеевич, так это ж... Это ж не те параметры! Это параметры того самого, первого, эксперимента. Так чего ж мы удивляемся, что результаты такие же получаем?

Одновременным, синхронным движением все трое повернулись в сторону Арсения. Тот продолжал сидеть в кресле с невозмутимым видом.

– Решительно ничего не понимаю! Козырев, извольте объясниться! – шеф всерьез разозлился.

Его эмоциональная реплика на состояние Арсения никоим образом не повлияла. Тот ответил спокойным, обреченным голосом:

– Я взял папку с параметрами первого эксперимента. Вон они все в шкафу стоят свободно. Листы, конечно, подписаны, но папка-то не прошита. Поэтому я вынул листы из той папки и вставил в эту, а листы из этой папки вставил в ту. Вот и все.

– Но зачем? – Акименко пребывал в шоке.

– Я хотел повторить эксперимент со старыми параметрами. Убедить в этом вас мне бы не удалось, поэтому я и придумал вариант с подменой.

– Ну знаете... – от возмущения Станислав Сергеевич не знал, что и говорить. – Это уже просто ни в какие рамки не вписывается, вот ведь как!

Он ходил по комнате из угла в угол и только периодически разводил руками.

Цыпкин отрывался от души, крича на Арсения благим матом:

– Как это понимать, безмозглый молокосос?! Ты вообще понимаешь, чего творишь, в общем-то случае? Да ты кем здесь себя возомнил? Ты наплевал на всех, ты труд огромного коллектива вот просто так взял и спустил в унитаз!!!

Козырев молчал. Бриль сел за свой пульт и отвернулся от всех. Он ненавидел подобные истории, не мог переносить их буквально на физическом уровне, потому и предпочитал сложные механизмы обычному людскому общению.

– Арсений, хотелось бы услышать от тебя более вразумительные объяснения, – Акименко грозной скалой нависал теперь над провинившимся сотрудником.

– А что тут объяснять, Станислав Сергеевич? Ответственность целиком на мне, я данный факт признаю, и более мне добавить ничего. Разве что кроме... В общем, я бы предложил не прекращать эксперимент, я верю в Стандартную модель. Можете меня уволить или даже убить, но я сделал то, что сделал. Исправить ситуацию сейчас уже невозможно!

– У него еще хватает наглости что-то предлагать! – вновь завелся Цыпкин. – Да тебя на пушечный выстрел теперь никто не подпустит к установке! Да тебя тут больше никто и никогда даже слушать не станет! И не только тут, а вообще нигде! Все, забудь про науку! Ты кончился, придурок, ты кончился как ученый, даже еще не начавшись!

Козырев ничего не ответил.

Акименко тоже хранил гробовое молчание. Он сел на диван, взял в руки журнал. Какое-то время листал его с невидящим взглядом, затем и вовсе закрыл, свернул трубочкой. Локти поставил на стол, журнал между правой и левой рукой образовал некое подобие полочки, на которую шеф положил свой подбородок и замер. Несколько минут он сосредоточенно смотрел в одну точку. Потом медленно произнес тихим, едва слышным голосом:

– Завтра я уезжаю на неделю в Швейцарию. Эксперимент продолжать как ни в чем не бывало. Никому ничего не предпринимать! Разбор полетов после моего возвращения. И чтобы об инциденте знали только присутствующие!

– Какой смысл продолжать эксперимент? – удивился Цыпкин. – Эти данные у нас уже есть!

– А какой смысл его прекращать? Так или иначе, но эксперимент идет. Дадут ли нам организовать новый? Сомневаюсь... а к вам, Сергей Львович, у меня еще будут вопросы по возвращении. Как так получилось, что эксперимент готовится по неверным параметрам, а вы – тот, кто за него отвечает, – про то ни сном ни духом?! И Козырева, кстати сказать, я тоже вам поручал, вот ведь как! Арсений, безусловно, виноват, но имейте в виду, с вас тоже никто ответственности не снимает!

* * *

Как ни старайся скрыть провал столь крупного эксперимента, а шила в мешке не утаишь! Вскоре вся лаборатория, да что там лаборатория, весь институт обсуждал произошедшее.

В тот же вечер Козыреву позвонил Малахов. Он был явно расстроен.

– Арсений, скажи мне, милый друг, что там у тебя случилось? Мне звонил Акименко, ты даже не представляешь, что мне пришлось от него выслушать!

– Ну значит, вы уже все знаете.

– Да, но мне все ж таки хотелось бы услышать и твою версию.

– Моя версия ничем не отличается от официальной.

– Что-то тут не сходится, мой мальчик. Во-первых, я слишком хорошо тебя знаю. А во-вторых... – Малахов замолчал.

– Что во-вторых? – Арсений явно заинтересовался.

– Скажем так, – после паузы продолжил профессор, – из того, что я слышу, не может следовать то, что я вижу.

– Что там, расскажите! – Козырев понял, что учитель имел в виду свои особые способности, а подобное сообщение не могло оставить его равнодушным.

– Не знаю, Арсений, что ты там задумал и в какие игры играешь, но после окончания эксперимента я жду тебя в гости!

Малахов положил трубку.

Родители оптимизма не добавляли. Акименко звонил и им тоже. Они, конечно, готовы были во всем поддержать своего сына, но тот замкнулся в себе, ничего обсуждать не желал и ни на какие вопросы не отвечал. После нескольких безуспешных попыток достучаться до Арсения они отстали.

В институте он чувствовал себя изгоем. Никто ему явно ничего не высказывал, но не заметить подобные изменения в отношении все равно невозможно. Лена оставалась единственным человеком, которого, казалось, происшествие несколько не расстраивало и которая совершенно не изменила своего к нему расположения. Он старался появляться на работе как можно реже. Когда приходил, много времени проводил в центре управления, наблюдал за ходом эксперимента. Кроме него, похоже, происходящее на ускорителе никого больше не интересовало. Все остальное время своего присутствия в институте он с удовольствием общался с верной подругой.

Акименко задержался на пару дней в Швейцарии и появился в институте лишь в среду. Часа два у него ушло на то, чтобы разобрать накопившиеся мелкие текущие вопросы. Сразу после этого он попросил Валю:

– Пригласите, пожалуйста, ко мне Цыпкина и Козырева. Пусть зайдут минут через пятнадцать.

Коллеги явились порознь, но почти одновременно. Арсений принес какие-то бумаги и положил на стол перед Акименко.

– Что это? – шеф устало перебирал руками стопку листов с многочисленными таблицами.

– Это результаты эксперимента. Те, которые успели собрать и обработать по состоянию на вчерашний вечер.

Станислав Сергеевич посмотрел на Цыпкина. Тот недоуменно пожал плечами. Шеф снова перевел взгляд на Арсения.

– Результаты полностью подтверждают предсказания Стандартной модели. Есть, конечно, небольшие отклонения. В пределах погрешности измерений. Нужно дождаться завершения эксперимента, чтобы утверждать окончательно. Но уже сейчас не остается сомнений: мы у цели!

– Бред какой-то, – прокомментировал Цыпкин. – Очередные инсинуации!

Акименко тщательно изучил бумаги. Слова молодого сотрудника вроде бы подтверждались. Оставалось непонятным, каким образом такое могло случиться. Акименко устроился в кресле поудобнее и вопросительно уставился на Козырева:

– Ну-те'с, внимательно слушаем.

– Когда я узнал, что эксперимент на основании предсказанных теорией параметров провалился, я много думал, как такое могло случиться. И тут меня осенило: а что если ошибка не в самом эксперименте, а в интерпретации полученных данных. Ведь данные обрабатывались с помощью программы, к тому же самописной. Я хорошо знаю, как создаются программы, и предположил, что вероятность программной ошибки много выше, чем возможность несовершенства Стандартной модели.

– Это программа, в общем-то случае, неоднократно проверялась на множестве других экспериментов! – язвительно возразил Цыпкин.

– Программа наверняка дорабатывалась, – парировал Арсений, – и ошибка могла появиться позднее либо находиться на такой ветке, на которую раньше не попадало управление. Да мало ли... Ошибка могла спокойно существовать все это время и никак не проявлять себя.

– Бред! Даже если предположить, что ошибка действительно была, что ты нашел ее и исправил, все равно мы все своими глазами видели – результаты были в точности такими же, как и в первый раз, – продолжал возражать Цыпкин.

– Сергей Львович, давайте дадим Козыреву договорить. Продолжайте, Арсений, – осек его Акименко.

Цыпкин посмотрел на Арсения с ненавистью.

– Я понимал, что не успею разобраться в таком огромном количестве кода, – спокойно продолжал Козырев. – К тому же пришлось бы где-то раздобыть исходники, как-то организовать процесс отладки. Это все сложно и долго. Поэтому я решил использовать параллельно с вашей свою программу. Я ее написал немного для других целей. Вы, Станислав Сергеевич, видели ее на защите диплома. Но доработки требовались незначительные.

– Но вы же ее писали совсем для другого оборудования! Даже если модуль анализа подошел, модуль интеграции надо было полностью переписывать! – не унимался Цыпкин.

– Я его не переписывал. Лена мне дала готовые библиотеки, я их использовал.

– Сука! – тихо вырвалось у Цыпкина, но Козырев услышал, зло посмотрел на него и так же тихо в ответ процитировал известную строчку: «Коль не отдашь, скажут «сука». Цыпкин понял, что Арсений в курсе их взаимоотношений, и сразу же сменил тактику:

– Станислав Сергеевич, это все Томилина, ее программа, я всегда говорил, от нее никакого толка, ее надо было давно уволить!

– Томилина тут ни при чем, – заступился за коллегу Арсений. – Она же не физик. Ей как сказали, так она и запрограммировала. Мне это знакомо. Повторюсь, я знаю, как создаются подобные программы. Формализация нулевая, постановка вся на словах. При коммуникациях между учеными и программистами всегда теряется чрезвычайно важная информация. Поэтому я и предпочитаю сам писать для себя программы.

В очередной раз за последний месяц Акименко был шокирован. «Да, ребята, с вами не соскучишься, – подумал он про себя. – Конечно, это все еще нуждается в проверке, но похоже, что Козырев не врет». Вслух же добавил:

– Ладно, идите пока. Сам все буду проверять, лично. Арсений, задержитесь, пожалуйста.

После того как Цыпкин вышел, он продолжил:

– Ты, наверное, думаешь, что победителей не судят?

– Я просто не знал, как мне отстоять свое мнение.

– Ты бы мог просто прийти и рассказать мне о своих планах, вот ведь как. Почему ты думаешь, что я бы тебя не поддержал?

– У меня не было доказательств, только идея. Ее требовалось проверить. Я взвесил шансы и понял, что Цыпкина мне не преодолеть. Кто я? Выпускник, только что закончивший университет, хоть и способный. Умник-зазнайка, выскочка. Вы бы все равно его послушали, тем более что и сами придерживались того же мнения. Как же, столько времени бились над проблемой, а тут пришел какой-то...

– Ты только не возомни, что полностью искупил свою вину и оправдался в моих глазах. Лично я против подобных фокусов! Что с тобой делать, я еще подумаю. Пока можешь быть свободен!

Когда за Арсением закрылась дверь, он подумал: «Действительно, что мне с ним делать? Вот как на него злиться, как его выгнать? ... Но наказать следует. Это определено!»

И все же Акименко был ужасно рад. В конце концов, все плохое быстро забывается. Да и вообще, со временем все забывается, кроме результата. А результат, похоже, присутствовал. Нет, сомнения все еще оставались, но он уже понял, почувствовал своей развитой интуицией ученого: результат есть! И это было важно, это было чрезвычайно важно! Это было сейчас для него важнее всего на свете!

* * *

Сразу после разговора с шефом Арсений зашел к Лене:

– Пообедать не хочешь?

– Что, уже двенадцать? Пойдем съедим чего-нибудь.

Они направились в институтскую столовую. Кормили там весьма неплохо: вкусно и недорого. Если во всем остальном институте уже ощущалось широкомасштабное наступление капитализма, то столовая каким-то неведомым образом оставалась, наверное, последним островком прежнего мироустройства.

Арсений любил бывать здесь. Атмосфера в стиле ретро навевала ностальгические чувства. Сметана в стаканах: полный или половинка на выбор, кефир, яйцо под майонезом, глазунья, творожная запеканка, салат из свеклы с чесноком, грецкими орехами и майонезом, традиционный оливье, квашеная капуста с клюквой, малосольные огурцы, украинский борщ, рыбный суп из консервов, пельмени со сливочным маслом или со сметаной, отварные сосиски, котлеты или тефтели, толстые, пышные оладьи с вареньем или медом на выбор, блинчики с творогом, блинчики с мясом, компот из сухофруктов, чай в стакане с подстаканником. Столы накрыты клеёнкой, посередине салфетки в граненом стакане и ядреная горчица в открытой чашечке с ложечкой, крупная мокрая соль в такой же чашечке, алюминиевые столовые приборы.

Ребята выбрали еду, расплатились и сели за столик.

– Шеф вернулся? – спросила Лена.

– Да, здесь.

– Виделись?

– Ага.

– Как все прошло?

– Нормально, примерно, как я и рассчитывал...

– Остаешься?

– Пока не знаю.

– Жаль, если ты уйдешь. Здесь не так много приятных людей.

– А я приятный? – Арсений лукаво посмотрел на Лену.

Лена не ответила. Какое-то время они ели молча.

– Слушай, Козырев, а есть у твоего имени какие-нибудь уменьшительные, упростибельные или ласкательные варианты? А то сложно это как-то и слишком уж официально: Арсений. Как тебя зовут друзья, там, или родители?

– Зови меня как хочешь, только не Сеней.

– Чего так?

– Ненавижу это имя. Прямо воротит. Сееенняя. Фу. А вообще, друзья зовут меня Арс. Мне нравится. Правильные ассоциации вызывает: Бог войны Марс, снежный барс.

– Ага, нелепый фарс. Сеня, а вам не кажется, что вы излишне самоуверенны? – Лена посмотрела на него с иронией.

Арсений улыбнулся:

– Ну, если честно, то часто это просто попытка скрыть слабости, поза. Некий стес над собой. Друзья знают и не обижаются. Хотя, если разобраться, что есть самоуверенность? Где грань между уверенностью и самоуверенностью? Вот умный человек, если он действительно умный, как ты думаешь, способен адекватно оценить себя в сравнении с окружающими его людьми?

– Да, наверное.

– Ну вот, он оценил себя. Адекватно. Ни больше, ни меньше, как есть. И получилось, что он умнее и способнее многих. Что ему делать? Держаться естественно – будешь выглядеть самоуверенным. Притворяться, что ты такой же, как все? Противно! Впрочем, многие так и делают. А я не хочу! Пусть уж лучше считают меня самоуверенным.

В столовую зашел Цыпкин. Увидев Арсения с Леной, не смог удержаться, чтобы не подойти к ним.

– Что, голубки, празднуете победу? – он буквально кипел от злости.

– Мы не злорадные, просто зашли поесть, – миролюбиво ответила Лена.

– Ты, Козырев, не радуйся раньше времени. Ты тут без году неделя, и методы твои никому не нравятся. И сам ты тут тоже никому не нравишься. Так что я бы на твоём месте не расслаблялся! Один раз тебе повезло, но не думай, что ты уже схватил удачу за одно место.

– Я и не думаю, – спокойно ответил Арсений. – И это была не лотерея, а взвешенное, продуманное решение. Стандартная модель...

– Опять ты со своей Стандартной моделью. Ты еще хоть что-нибудь знаешь, в общем-то случае? – грубо перебил его Цыпкин. – Ограниченно ты мыслишь, Козырев. Да и сам ты какой-то ограниченный.

– Спасибо за комплимент, к сожалению, не могу ответить вам тем же, – улыбнулся Арсений.

– Комплимент? – удивился Цыпкин.

– Да, как говорил Эйнштейн, есть только две бесконечные вещи: Вселенная и глупость. Хотя насчет Вселенной я не уверен.

Когда Цыпкин позорно удалился, Лена сказала Арсению:

- У тебя теперь появился опасный враг. Я бы на твоём месте была очень осторожной.
- Мне нечего бояться. Глупость никогда не победит разум.
- Да, – иронично улыбнулась Лена. – Ты прав. Какая же это самоуверенность!

* * *

На этот раз Арсений приехал к Малахову домой, в его московскую квартиру на Спортивной. Старый четырехэтажный дом в тихом московском переулке. Квартира была просторной, профессорской, полученной, как и дача, в годы развитого социализма. Евгений Михайлович встретил Арсения в прихожей.

– Заходи-заходи! Здравствуй, дорогой! Раздевайся, вот тут можешь повесить куртку, – радушно суетился профессор.

Они пожали друг другу руки. Козырев прошел в гостиную.

– Сейчас мы сообразим чайку. У меня есть отличный киевский торт, настоящий, как раньше. Научились делать, стало быть, я сам удивился, когда попробовал.

– Нади нет? – спросил Арсений.

– Нет, бегают где-то. Вы ж, молодые, всё заняты, всё в суете. Жена тоже ушла, так что мы тут с тобой одни. Располагайся!

Надя пока обитала вместе с родителями, а вот Антон уже существовал вполне самостоятельно. После смерти бабушки ему досталась неплохая квартира недалеко от метро «Аэропорт». Это было настоящее богатство, потому что для большинства молодых людей квартирный вопрос стоял чрезвычайно остро. Честно заработать на собственное жилье в то время представлялось практически невозможным. Зато друзья часто пользовались гостеприимством Антона и устраивали у него дома шумные молодежные посиделки.

Малахов принес поднос, на котором возвышался огромный чайник с чаем, а также две фарфоровые чашечки, такие же блюда и торт. Он поставил все это на большой стол.

– А может быть, партейку в шахматы? Так, под беседу? – предложил он.

– С удовольствием! – согласился гость.

Евгений Михайлович достал шахматную доску. Высыпал содержимое на стол. Взял в каждую руку по разноцветной пешке, убрал их за спину.

– В правой! – выбрал Арсений.

В правой руке оказалась белая. Они расставили фигуры. Налили в чашечки чай. Малахов отрезал по кусочку торта и положил на блюда.

Козырев прекрасно понимал, что Малахову не терпится узнать подробности его приключений, однако начал он вовсе не с этого. Когда первоначальная суета немного улеглась, первые ходы были сделаны и встреча, как и партия, плавно перетекала из дебюта в миттельшпиль, профессор, обдумывая варианты защиты, негромко произнес:

– Я знаю, ты встречался с Бурханом, – констатация факта не вызвала ответной реакции, поэтому Евгений Михайлович спросил напрямую. – Как прошло, о чем говорили?

– Да нормально поговорили. С одной стороны, йогин, конечно, оказался прав, – с готовностью ответил Арсений, хотя подобная тема оказалась для него неожиданной. – Я изменил предначертанное. В том смысле, что я отказался становиться его учеником. А значит, и дикши не будет, не будет и событий из предсказания. В общем, ерунда все это! Не стоит заморачиваться!

– Ну-ну, ладно, – тихо произнес Малахов то ли с облегчением, то ли, наоборот, с некоторым сомнением. – Стало быть, ты не веришь. Что ж, может, ты и прав. Тогда давай рассказывай про свои новые приключения.

– Ну, в общем, дело было так. Цыпкин всю жизнь ходил в любимчиках у Акименко, – Козырев живо переключился на беспокоящую его тему. – Поэтому, когда шеф, вернувшись после защиты дипломов, в восторженных тонах отозвался о моей работе, у того сразу зародилась неприязнь ко мне. Я думаю, у него не очень высокие способности как у ученого, но благодаря своей природной ловкости он умеет, извиваясь ужом, аккуратно пролезать между струйками подводных течений. За счет этого, а также благодаря близости к Акименко ему удавалось в принципе неплохо существовать.

Он отломил приличный кусок торта, положил его в рот и запил чаем:

– А действительно вкусно!

После паузы продолжил:

– А тут еще этот отзыв. Проекты отзывов для Акименко всегда готовил Цыпкин. Шеф, как правило, в разговоре всегда высказывался о работе до того, как поручить что-то написать. Поэтому Сергей Львович обычно знал, какой тональности ожидает от него руководство. Образование у него неплохое, плюс опыт. В общем, всегда попадал. А в этот раз Станислав Сергеевич решил мне устроить, так сказать, проверку боем. Цыпкин сначала было расстроился, но потом решил использовать ситуацию в своих целях. Дело в том, что автор статьи – его друг.

– Друг?

– Ну, друг или приятель... А может, не друг и не приятель, а просто денег подкинул. Впрочем, я не знаю наверняка, а гадать и строить всяческие домыслы не хочу. В любом случае Цыпкин имел свой интерес, чтобы отзыв получился положительным.

– А ты как узнал?

– Я видел их вместе, потом Олег... В общем, это долгая история, давайте не будем отвлекаться. Но информация достоверная.

Арсений поднял коня, подержал в воздухе и поставил на место. Немного подумал и все-таки пошел конем на F4. После сделанного хода продолжил:

– На этот раз Цыпкин не знал, как Акименко относится к статье. Он уже начал прикидывать в голове, как бы ему это незаметно выяснить. Несмотря на желание помочь другу, подставляться он не собирался. А тут такая прекрасная возможность: использовать меня для своих грязных целей. Подпишет – хорошо. Не подпишет – тоже хорошо: конкурент себя дискредитирует. К тому же в случае моей неудачи переписывать проект отзыва все равно придется ему, и тут уж он сыграет на контрасте.

– Ферзь на D4 сильно стоит, – задумчиво произнес Малахов. – Но, я так понимаю, это все еще пока предисловие.

– Да. Я, конечно, для себя уже понял, что это за личность. Но все же недооценил всю глубину его сволочной натуры. Я ведь поначалу как хотел – параметры эксперимента подменить на старые, а настройки программы оставить новыми. Тогда результаты в режиме реального времени все равно отличались бы, никто сразу и не заподозрил бы подмены. Они же толком не знали, чего ждать от эксперимента с такими параметрами. А я бы пока набрал данных, проверил все как следует и признался бы. Все прошло бы тихо и спокойно.

– Да уж, тихо и спокойно, – проворчал Евгений Михайлович, вспоминая звонок Акименко.

– Когда я уже собрался загружать конфигурационные файлы, – продолжал рассказ о своих приключениях Арсений, – мне вдруг пришла в голову мысль: «А ведь дискета какое-то время находилась у Цыпкина! Интересно, не решил ли он мне еще раз нагадать?» Я свой вариант на всякий пожарный сохранил тогда на отдельной дискете. Сверил. И точно – изменил. Ну что-то там, я не знаю что. Подробно разбираться не стал, смысла не было.

– Не может быть! – вскрикнул профессор.

– Я сам удивился! Ну знал, что он не вполне благороден, но чтобы настолько! Тогда я решил не скрывать подмену, а наоборот, довести ситуацию до абсурда, привлечь к ней макси-

мум внимания всего института. Поэтому я загрузил конфигурационные файлы от первого эксперимента. Дискета была там же, в папке с настройками. Подменяя листы, я и дискету сохранил у себя. Цыпкин сполна оправдал мои ожидания: тут же заметил идентичность данных и поднял крик.

– Ты рисковал! А если бы Акименко прекратил эксперимент?

– Я думал об этом. И рассчитывал на его мудрость. В крайнем случае я бы просто признался, что есть шанс добиться результата уже сейчас. Он бы не устоял. Конечно, эффект получился бы не столь впечатляющим, но себя я бы реабилитировал.

Евгений Михайлович сделал короткую рокировку.

– Да, Арсений, наворотил ты дел, целый детектив, – он подлил себе чаю. – Ты, наверное, ожидаешь моей похвалы? Отнюдь! Я категорически не одобряю твой поступок!

– В самом деле?

– Да! Я все ж таки считаю, что можно было найти вариант объяснить ситуацию Станиславу Сергеевичу, не прибегая к столь экстремальным методам. Цель далеко не всегда оправдывает средства.

– Он бы меня не послушал. Я бы засветил идею, они бы ее завернули и мне бы уже не представился шанс проверить свою мысль экспериментально. Впрочем, вполне допускаю. То, что я не нашел способа, еще не значит, что его не существует вовсе. Но лучшего варианта я не увидел, а потому поступил так, как сумел придумать.

– Я не буду оригинален. Как всегда, приведу тебе в подтверждение моей позиции слова великого Эйнштейна: «Никакая цель не высока настолько, чтобы оправдывала недостойные средства для ее достижения».

– Тогда и я отвечу его же словами: «Чтобы покарать меня за отвращение к авторитетам, судьба сделала авторитетом меня самого». Так что получайте, господин Эйнштейн! Вы для меня не авторитет! Будем жить своим умом! А вам, кстати, мат, профессор!

Глава 3

Акименко оставил Козырева в институте, но в качестве наказания поручил ему разобрать все документы согласно номенклатуре дел, накопившиеся в лаборатории за несколько последних лет. Отчеты, копии договоров, приказы, материалы семинаров и конференций, описание экспериментов, теоретические расчеты и даже журналы по охране труда и технике безопасности. Груды бумаг валялись пугающими массивными кучами повсюду: на столах, в шкафах и даже на подоконниках. Занятие, конечно, не самое интересное, но и строгим такое наказание тоже вряд ли можно было назвать. Всего лишь какой-то месяц нудного, чисто механического труда – и Арсению удалось навести порядок внутри всего этого документального хаоса.

После того как информация об успехе эксперимента стала общедоступной, отношение к нему в коллективе сложилось неоднозначное. Многие, особенно те, кто был кровно заинтересован в результатах эксперимента, безусловно, отдавали ему должное, а посему и поступок его считали в какой-то степени оправданным. Другие, напротив, либо завидовали ему, либо искренне, в силу собственных моральных принципов, считали применение подобных методов недопустимым. И если с последними Козыреву так или иначе удавалось найти общий язык, то с завистниками дела обстояли гораздо хуже. Особенно, конечно, в этом плане старался Цыпкин.

Однако Арсений не сильно переживал по поводу сложных взаимоотношений с коллективом. Акименко не смог долго гневаться и явно расположился к Козыреву. Очевидно, ощущал в нем человека, близкого себе по интеллекту. Они вместе писали статьи, принимали участие в конференциях и семинарах, обсуждали планы на будущее. Жизнь закрутила Козырева в водовороте повседневных забот, сложных проблем, ярких свершений и понесла с бешеной скоростью вперед, в мир большой науки. И ему нравилась такая жизнь.

Несмотря на это, а быть может, именно поэтому, дохода работа приносила совсем немного. Даже с учетом некоторых поступлений от Малахова и Романского, где Арсений тоже числился совместителем, свободных денег почти не оставалось. Вот почему, когда в сентябре после полугода работы пришла пора первого отпуска, ему не пришлось долго ломать голову, выбирая из множества вариантов отдыха.

В прошлом году родители Арсения, отдыхая в Крыму, в районе поселка Кореиз недалеко от Ялты, совершенно случайно и неожиданно для всех и даже для себя самих купили там квартиру. Вокруг было так потрясающе красиво: нависающие сверху гигантским исполином вершины Ай-Петри, внизу – море, сверкающее на солнце темно-синим сапфиром, вокруг – изумрудная зелень субтропических садов и старинных парков. А цена по московским меркам являлась настолько низкой, что Нонна Алексеевна не смогла противостоять своей давней мечте иметь собственное жилье на берегу Черного моря. Дополнительным стимулом покупки стало желание вложить в недвижимость последние деньги, которые все еще оставались после работы за рубежом. Экономическая ситуация в стране сохранялась сложной, и они справедливо опасались потерять накопления всей своей жизни. Даже на самое дешевое жилье в Москве этих средств катастрофически не хватало, а вот в Крыму в то время на них можно было купить очень даже неплохую трехкомнатную квартиру недалеко от моря.

Правда, несмотря на то что цены действительно были относительно невысокими, нужной суммы наличных с собой на отдыхе у Козыревых, естественно, не оказалось. Поэтому, пока они с хозяйкой квартиры оформляли документы у нотариуса в Ялте, Арсений, будучи в Москве, передавал деньги ее мужу, работавшему в то самое время, как и многие другие граждане бывшего Советского Союза, на стройках российской столицы. Едва он вручил обговоренную сумму, тот позвонил жене, и она подписала договор купли-продажи.

Таким образом, вопрос отдыха на этот год, а при необходимости и на все последующие, оказался решенным. Компания попутчиков тоже подобралась быстро. Сын Евгения Михайло-

вича, Антон Малахов, и школьный друг Козырева, Борис Минин, с радостью согласились провести время на берегу все еще теплого сентябрьского моря вместе с Арсением. Друзья планировали вволю позагорать и покупаться, выпить на весь год вкусного крымского вина и погулять по полной программе, насколько хватит их молодых сил и юношеского задора.

Но они собирались почтить Крым своим присутствием только осенью, в бархатный сезон, когда спадала основная жара да разъезжались по домам толпы суетливых туристов.

Сейчас же в своей новой южной квартире отдыхали Козыревы-старшие – Нонна Алексеевна и Павел Тимофеевич.

Они приехали в Крым на автомобиле, что делало их независимыми от дефицитных билетов и давало дополнительную свободу в путешествиях по полуострову. Питались в основном дома, готовили сами. Но иногда – два-три раза в неделю – позволяли себе поужинать в любимейшем им небольшом, уютном ресторанчике на набережной. Обслуживала их всегда одна и та же официантка Вика. С самого первого посещения им так понравился и ресторан, и милостливая официантка, что они уже не искали для себя других вариантов.

Девушка действительно олицетворяла собой образец аккуратности и внимательности. При этом она настолько умело сочетала в себе услужливость и собственное достоинство, что становилось ясно: при желании человек может найти свое призвание даже в такой не очень модной и престижной профессии, как официант. Всегда подскажет, какое блюдо лучше выбрать, при этом учитывала весь широчайший набор влияющих факторов: от свежести продуктов до дежурной смены поваров. Посоветует, что лучше сочетается с уже выбранным блюдом. Никогда не принесет плохо приготовленную или некрасиво оформленную еду. Даже в часы самого высокого наплыва посетителей вовремя заметит, что надо подлить вина или унести использованную посуду. Можно было не сомневаться, заказ принесут в нужное время, в нужной последовательности и обязательно горячие блюда будут горячими, а холодные напитки – холодными. Свежие скатерти и салфетки, чистые приборы с каждым новым блюдом, красивая сервировка – эти на первый взгляд мелочи превращают обычный поход в ресторан в настоящий праздник.

Внешне Вика была довольно симпатичной девушкой с длинными темно-рыжими волосами. Приятное лицо с характерными чертами ненавязчиво намекало на наличие в ее роду дальних предков с кавказской кровью. А вот что сразу бросалось в глаза, так это стройная, прямо-таки точеная фигурка. Длинные и красивые ноги являлись, пожалуй, ее основным неоспоримым достоинством, и она всегда умело их подчеркивала элегантными туфлями на высоченном каблуке. Не очень высокий рост вдобавок ко всему создавал общее впечатление эдакой хрупкости и миниатюрности и довершал собой образ девушки, которую хотелось защитить, окружить заботой и всю жизнь носить на руках.

Срок пребывания старших Козыревых в Крыму подходил к своему логическому завершению. Они замечательно отдохнули и теперь стремились оставить молодым людям, спешащим им на смену, подробные рекомендации, которые позволили бы тем провести время отпуска максимально удобно, полезно и эффективно. Подготовленное письменное руководство занимало уже 12 тетрадных листов и содержало главные особенности курорта, основные достопримечательности в широком смысле этого слова и прочие интересные и полезные нюансы. Не хватало в нем, с точки зрения Ноны Алексеевны, только одного, но самого важного момента. И она со всей своей чуткой и заботливой материнской душой непременно планировала сей пробел заполнить. Вот почему в один из последних вечеров, ужиная в ресторане, предприимчивая женщина обратилась к Виктории с необычной просьбой:

– Вика, какая ты молодец, нам всегда так нравилось у тебя! Всегда очень вкусно и красиво!

– Спасибо, мне тоже приятно, что у вас останутся хорошие воспоминания об отдыхе и о нашем ресторане.

– Да, мы скоро отбываем восвояси, но нам на смену приезжает наш сын вместе со своими друзьями. Мы обязательно им про тебя расскажем! Ты уж не оставь их, пожалуйста, без своего внимания!

– О чем речь! Конечно, пусть заходят, вы же знаете, мы их примем как самых дорогих гостей! Тем более ваш сын. Можете ни о чем не беспокоиться.

– Конечно-конечно, я не сомневаюсь! Но я не совсем это имела в виду...

– А что тогда?

– Ну, понимаешь. Как бы тебе это сказать... Ты только пожалуйста, пойми меня правильно и не обижайся, если что, хорошо?

– Да ничего страшного, вы говорите как есть, не стесняйтесь!

– В общем, ребята молодые, только что закончили институты, начали работать. Впервые в самостоятельной жизни приедут отдыхать. Сама, думаю, понимаешь, как они тут собираются время проводить. Все условия, даже у каждого своя отдельная комната.

– Ну да, понятно в принципе. Дело молодое, – Вика смеялась. – А от меня-то вы чего хотите?

– Я же говорю, не бросай ты их тут одних на произвол судьбы! Не хочу отдавать дело в руки слепого случая. Тут же курорт, девушки разные встречаются. Да и эпидемиологическая обстановка в Крыму сложная... Да что я тебе рассказываю, ты же все прекрасно понимаешь!

– Честно говоря, не совсем. Я вообще-то с москвичами не встречаюсь. Если вы, конечно, меня имеете в виду. Да и потом их же трое, как я понимаю? – удивилась девушка.

– Нет, что ты, я вовсе не об этом! Но у тебя же наверняка тут масса подруг или просто знакомых девушек, которые не прочь приятно провести время в кругу молодых интересных парней. Может быть, ребята и не такие уж прямо красавцы или там аполлоны, но зато все очень и очень умные.

– А, так вот оно в чем дело, – Вика опять засмеялась. – Надо для ребят найти девчат?

– Да, но девчата должны быть симпатичные, обязательно здоровые и в меру легкомысленные. Чтобы никаких там перспектив продолжения отношений! Погуляли, повеселились и расстались друзьями с хорошими воспоминаниями друг о друге!

– Да, это несложно. Есть такие! У многих девчонок мужья работают в России, дома не бывают почти. Я думаю, они будут не против веселого времяпрепровождения.

– Ну вот, видишь, как здорово, мы с тобой отлично поняли друг друга!

– А когда они приезжают?

– В субботу у них поезд, значит, в воскресенье будут здесь.

– А, ну я как раз в воскресенье работаю. Пусть приходят вечером сюда, часов, скажем, в восемь. Девчонки будут их ждать!

– Отлично, вот и договорились! Спасибо тебе!

Козыревы оставили хорошие чаевые и удалились. Нужно было успеть вписать последнюю рекомендацию в тетрадку.

* * *

Отдыхать молодые люди начали сразу, едва только сели в поезд Москва – Симферополь. Нашим туристам повезло, четвертое место в купе оказалось свободным, поэтому никто им не мешал, и чувствовали они себя вполне свободно. Шутки и дружеские приколы, вкусная мамина еда в дорогу и, конечно же, правильные напитки для еще большего поднятия настроения. В разумных количествах. Так, чтобы не отстать от поезда на каком-нибудь маленьком полустанке, чтобы не создавать дискомфорта соседям по вагону и чтобы наутро плохое самочувствие не испортило впечатления от встречи с морем и солнцем.

Дорога из Симферополя до Ялты и дальше до Кореиза необыкновенно красивая, особенно после Ангарского перевала. Несмотря на то что по ней практически круглосуточно курсирует неимоверное количество большегрузного транспорта, автобусов и даже троллейбусов, благодаря ее ширине место для обгона обычно найти довольно просто, и непреодолимых затруднений при движении не возникает. Разнообразные пейзажи стремительно сменяют друг друга: узкие, темные ущелья между скал, в которых кажется, что неожиданно наступил вечер. И вдруг необозримый простор куда-то далеко вперед и вниз, где мелькнувшая на горизонте между двух гор узкая темно-синяя полоска позволяет еще не увидеть, но уже догадаться: море! А уже через несколько минут за очередным поворотом оно внезапно заполняет собой все пространство слева по ходу движения, и уже не остается более никаких сомнений. И вновь исчезает из виду, чтобы предоставить твоему взгляду возможность насладиться нескончаемой зеленью горных виноградников. А потом опять возникают скалы, нависающие прямо над тобой грозными темными исполинами. И захватывает дух от столь чудесного калейдоскопа великолепных картин!

Дорога живет своей особой, курортной жизнью, ни на минуту не давая забыть о том, что отдых и праздник поселились в твоей душе на целых две недели. Крупные самодельные щиты возле машин на обочине предлагают жилье у моря на любой вкус и кошелек. Машины сменяются развалами фруктов. После фруктов наступает очередь знаменитого сладкого ялтинского лука. За луком – орехи и мед. Потом – придорожное кафе. Сизый дым от мангала проникает в несущееся авто и приносит с собой запах ароматного бараньего шашлыка. А вот продают молодое вино. Ряды разноцветных пластиковых бутылок выстроились вдоль дороги. Ароматное свежее подсолнечное масло. И снова жилье. И опять повсюду все новые и новые дорожные развалы.

За обзором красот южного берега, за любованием местными колоритами время в пути пролетело незаметно. Друзья взяли ключ, оставленный у соседки, шумно и радостно ввалились в квартиру. Распределили комнаты, бросили вещи и собрались вместе на большой застекленной лоджии с прекрасным видом на море. Почему-то из всех помещений квартиры именно это место прямо-таки притягивало к себе любых ее обитателей. На лоджии стояла удобная твердая тахта, небольшой круглый стол и два простеньких стула, так что там могли легко и комфортно расположиться сразу несколько человек. Последним вошел Арсений, листая на ходу тонкую школьную тетрадку. Тетрадка эта была полностью исписана размашистым почерком матери вперемешку с тонкими, мелкими отцовскими строками.

– Смотрите, пацаны, инструкция по пользованию южным берегом Крыма в районе Кореиза. Родители мне говорили, что оставили какую-то записку, но я и не думал, что все так серьезно!

Он показал тетрадь друзьям, те начали вырывать ее друг у друга, стремясь лично убедиться в монументальности этого поистине научного произведения.

– Здесь написано, как пользоваться унитазом в отсутствие воды! – смеялся Борис.

– А здесь написано, как лучше питаться. Вот, смотрите, оказывается соседка, у которой мы брали ключ, готова нас кормить, и совсем недорого. Нужно только предупредить ее, во сколько мы придем, – удивился такой заботе Антон.

– Так, а здесь у нас что, – инструкция вновь вернулась к Арсению. – Ага, где лучше купаться, куда надо будет съездить на экскурсию... Магазины... Кафешки... Рестораны... Ни фига себе! – Арсений явно заинтересовался. – Мужики, прикиньте! Нас сегодня в ресторане будут ждать три девушки!!! В восемь часов вечера. Надо спросить официантку Вику, она нас познакомит с ними... Обалдеть!

– Да ладно!

– Не может быть!

– Да ты придумал все! – кричали наперебой Боря и Антон. – Ну-ка дай посмотреть!

Информация оказалась достоверной. Восемь часов вечера. Три девушки. В ресторане с башенками на берегу. Друзья смеялись и шутили, громко обсуждали эту пикантную тему, но серьезно никто сообщение не воспринял. Нет, они, конечно, собирались туда сходить, и даже познакомиться, но это было не более чем один из вариантов, которые, как были уверены молодые люди, в огромном количестве будут подстерегать их теперь на каждом шагу по людным и беззаботным дорогам южного берега Крыма.

Арсений посмотрел на часы, показывающие четыре, и сказал:

– Итак, предлагаю следующую программу! Сейчас идем купаться, это прежде всего. Необходимо освежиться с дороги. И потом, я так соскучился по морю, что держусь уже из последних сил.

Друзья поддержали единогласно.

– Потом надо бы поесть, я думаю, прямо в этот ресторанчик с башенками и зайдем. Познакомимся с Викой, уточним насчет вечера, узнаем, что там с ценами и стоит ли нам вообще связываться с соседкой. Потом домой, моемся-переодеваемся – и к девчонкам!

Как говорится, хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Остаток дня и вечер сложились не совсем так, как предполагали молодые люди. Они действительно искупались и собрались было покушать, но тут выяснилось, что кафе и ресторанов на берегу превеликое множество, и почти все имеют в своем антураже башенку. Ну или другую архитектурную деталь, которая легко могла бы называться башенкой при наличии некоторого воображения. Проведя несколько минут в непростых размышлениях, друзья решили начинать прямо с ближайшего к ним ресторанчика и двигаться вдоль моря в направлении дома, в каждом заведении спрашивать официантку Вику, и если таковая обнаружится, то обедать и уточнять дальнейшие детали. Если же Вика их не поймет, значит, это просто-напросто не та Вика.

Можно верить или не верить в судьбу, но в тот день они промахнулись всего лишь на одно-единственное здание. К тому же выбрали не то направление движения. Так или иначе, пройдя около десятка кафешек и не обнаружив в них ни одной официантки по имени Вика, наши путешественники решили, что пора бы уже и покушать. Они сели за столик, заказали пиво и еду. В ресторане оказалось несколько телевизоров, а по одному из каналов транслировали этап гонок в классе «Формула-1». Так как двое из троих – Арсений и Борис – являлись заядлыми болельщиками данного вида спорта, неудивительно, что там они и задержались на довольно продолжительное время.

Успехи любимой команды отмечались бурными тостами. После пива перешли на вино, за вином последовал коньяк. Когда вышли из ресторана, было уже девять часов вечера, и душа активно требовала продолжения праздника. Возвращение домой казалось теперь пустой тратой времени, поэтому они сразу сели в автобус и поехали в Ялту. «Уж там-то, – рассуждали они, – мы обязательно с кем-нибудь познакомимся».

И действительно познакомились. Только на практике подходящих вариантов оказалось не так уж и много, как это представлялось в теории. Лето практически закончилось. Студентки все уехали домой – начинался учебный год. Да и других девушек стало гораздо меньше. Конец сезона. Поэтому выбирать пришлось из того, что было. А то, что было, было так себе. Тем не менее Арсений с Антоном после дискотеки пошли провожать двух подружек из Подмоскovie, но после непродолжительной прогулки стало ясно, что следующая встреча скорее всего не состоится. Борис затерялся где-то в пылу дискотечного угара, его так и не смогли отыскать. Как потом выяснилось, он тоже познакомился с девушкой, но та не поделила его пламенных чувств, и Боря, расстроившись, решил прогуляться до дома пешком по ночной дороге. В голове, находящейся под действием значительной дозы алкоголя, идея эта представлялась вполне романтической и легко реализуемой. На деле же пятнадцатикилометровая прогулка в кромешной тьме по горной дороге стала не самым приятным воспоминанием прошедшего отпуска. Едва только это стало понятно, он начал пытаться поймать машину, но, увы, безре-

зультатно. Такси отсутствовали вовсе, попутные машины встречались довольно редко, и ни одна из них не останавливалась. Несколько раз он подвергся нападению бездомных собак. Они не подходили ближе нескольких метров, но все же компания из изрядного количества агрессивно настроенных лающих животных, прямо скажем, бодрости духа не добавляла.

Следующий день, как того и следовало ожидать, прошел на пляже. Ближе к вечеру молодые люди, самоуверенность которых после вчерашних неудач значительно поубавилась, изучили родительские наставления весьма внимательно. Обнаруженные в инструкции дополнительные немаловажные детали позволили без труда отыскать Викин ресторан. Они расположились за столиком, вскоре к ним подошла официантка. Арсений спросил:

– Простите, а вы не Вика?

– Нет, не Вика, я Надежда. Вам нужна Вика?

– Да, нам бы хотелось с ней поговорить.

– Вика сегодня не работает, но она здесь. Гости, которых она обычно обслуживает, сегодня отмечают окончание отпуска и пригласили ее поужинать с ними.

– Вы не могли бы попросить ее, когда у нее будет время, подойти к нам. Кстати, что она обычно пьет? Мы пока закажем.

– Она предпочитает хорошую водку.

– Водку?! Ладно, водку мы пока не будем заказывать. Спасибо.

Вскоре к их столику подошла симпатичная стройная девушка с обаятельной улыбкой:

– Привет! Я Вика. Ну что же вы, молодые люди! Девушки вчера прождали вас целый вечер. Или, может быть, я день перепутала? Нонна Алексеевна сказала, что в воскресенье...

– Да нет, Виктория, все верно. Это мы виноваты, – сразу начал извиняться Козырев. – Мы вчера э... несколько заблудились с непривычки.

– Вика, может быть, вы тогда присоединитесь к нам? – учтиво предложил Борис.

– Ладно, я сейчас только попрощаюсь с гостями и вернусь. Подождите немного.

– Что вам заказать?

– А вы что пьете? Коньяк? Нет, закажите мне лучше немного хорошей водки.

Друзья переглянулись. Вика была явно приятнее всех предыдущих официанток, которых они встречали во время вчерашних безрезультатных поисков, а также приятнее всех тех девушек, которых они имели счастье лицезреть давеча на ялтинской дискотеке. Да и в общении она вела себя очень легко и непринужденно.

– Похоже, мы вчера не кисло лоханулись, – Борис прервал наступившую после ухода Вики паузу.

– Да уж, если вчерашние девушки были похожи на нее, то мы вчера явно не тем занимались.

– Да ладно вам, – возразил приятелям Арсений, – какие они были, неизвестно, да к тому же ничего еще не потеряно. Не встретились вчера – встретимся с ними завтра.

В любом случае все единогласно сошлись на том, что Вика как девушка очень даже ничего! Когда она вернулась, напитки уже принесли.

– Вы уже заказали горячее?

– Нет еще.

– Тогда я вам советую осетрину. У нас сегодня очень хорошая осетрина. Есть шашлык и стейки. Или вот, например, осетрина пай. Очень рекомендую!

– Хорошо. А ты сама-то что будешь?

– Нет, я уже поела только что. Я так, посижу с вами за компанию.

Вика обвела взглядом всех троих ребят.

– Ну ладно, меня вы уже немного знаете, может быть, себя назовете? Я знаю только, что кто-то из вас Арсений.

– Это я, – Козырев встал и наигранно склонил голову в приветственном поклоне. – Прошу любить и жаловать. Это Борис, а это Антон, – указал он поочередно на своих друзей.

– Ну вот, теперь все понятно, – Вика весело засмеялась. – А чего мы сидим? Арсений, пойдем потанцуем!

Весь вечер Вика провела вместе с ребятами. Сначала еще посидели в ресторане, потом она отвела их на одну из местных дискотек. Перед ее закрытием девушка что-то шепнула Арсению, и они незаметно сбежали от всех и прогулялись вдвоем вдоль берега моря. Было уже совсем поздно, когда он проводил Вику до дома. Прощаясь, молодой человек спросил:

– Мы завтра увидимся?

– Хорошо, мне надо выспаться, а потом я могу прийти к вам на пляж. Вы где загораете?

– Да нам все равно, где посоветуешь, там и будем.

– Тогда лучше всего прямо напротив нашего ресторана.

– Ну ладно, договорились. Тогда до завтра?

– Пока! – девушка проворно чмокнула своего нового знакомого в щечку и убежала домой.

* * *

Арсений, Борис и Антон уже без малого два часа загорали на пляже, когда наконец появилась Виктория. Ее стройную фигурку изящно подчеркивало легкое элегантное парео и короткий соблазнительный топ. В руках – пляжная сумка, волосы на голове придерживала легкомысленная ленточка. Девушка подошла к ребятам, поздоровалась, достала из сумки полотенце, разделась, оставшись при этом в очень откровенном купальнике, и расположилась рядом с ними. Она вела себя на удивление просто и естественно, будто бы знала молодых людей уже много лет. Без одежды ее молодое стройное тело выглядело еще более привлекательно. Формы не поражали размерами, но в силу миниатюрности всей фигурки в целом вполне соответствовали общим пропорциям. Небольшая округлая попка едва прикрывалась тонкими стрингами, упругая грудь соблазнительно выглядывала из чашечек купальника. Каждый из друзей тайком поедал ее взглядом, боясь показаться слишком бесцеремонным.

Вика встала, вытянулась в струнку, выгнув спину, подняв руки вверх и еще больше подчеркнув тем самым изящность своего тела, и предложила:

– Жарко, пойдем искупаемся. А то я в этом году за все лето почти и не купалась еще.

Действительно, несмотря на то что лето уже подходило к концу, девушка почти совсем не загорела. В жаркие летние дни времени на развлечения не оставалось. Местное население стремилось максимально использовать каждый летний погожий денек, дабы накопить побольше денег. До следующего курортного сезона доходов не предвиделось: зимой найти работу в приморском поселке было практически невозможно.

Плавала Вика отлично, недаром все ее детство и юность прошли на побережье теплого моря. После купания Арсению ужасно захотелось пить, и он направился в ближайшее кафе купить чего-нибудь прохладительного. Вернувшись вскоре с двумя бутылками сухого Новосветского шампанского, растерянно сообщил:

– Представляете, у них не нашлось холодной воды. Никакой! Я спросил, что же у них в холодильнике, они ответили, что шампанское. Пришлось купить. Зато по цене оно почти не отличается от пепси-колы.

Готовясь к отъезду в другую страну, молодые люди все свои отложенные на отдых деньги предусмотрительно обменяли на доллары США. А за несколько дней до поездки внезапно разразился финансовый кризис, который обесценил национальные валюты России и Украины, а друзей внезапно превратил в настоящих богачей. Счета из кафе и ресторанов, поездки на такси и прочие атрибуты шикарной жизни практически не наносили урон их совместному бюджету. В пересчете на доллары суммы получались смехотворными. Никогда раньше никто из них не

мог позволить себе столь свободно швыряться деньгами. Но на девушку покупка шампанского с целью утоления жажды произвела неизгладимое впечатление.

– И как же мы будем его пить? Не из пластиковых же стаканчиков. Подождите, я принесу фужеры из ресторана, – тонкое эстетическое чувство, присущее ей от природы, не позволило унижить благородный напиток.

Они сидели на пляже, пили из хрустальных бокалов замечательно освежающее шампанское, шутили и смеялись, наперебой засыпали Викторию комплиментами, одновременно соревнуясь друг с другом в остроумии. Арсений выбрал момент, когда Боря с Антоном ушли купаться, и сказал тихо:

– Я хотел бы увидеть тебя вечером! Ты не откажешь мне еще в одной романтической прогулке под луной?

– Вечером я работаю.

– До которого часа?

– Это сложно сказать. До последнего клиента. Но уже конец сезона, людей мало. Может быть, часов в двенадцать или в час освобожусь. Но я буду уставшая...

– Ничего, я просто провожу тебя до дома.

– Ну хорошо, приходи в ресторан. Если что, подождешь меня в баре.

Козырев пришел в начале первого ночи, но Вики, как и других официанток, уже не было. Все посетители разошлись, кухня закрылась, и уставшие после напряженного сезона девушки тоже отправились по домам. Арсению домой еще не хотелось, поэтому он расположился возле барной стойки и заказал коньяк. Бармен, молодой общительный парень, наливая напиток, поинтересовался:

– Как отдыхается?

– Нормально. Только приехали, – чтобы не пить в одиночестве он предложил бармену. – Выпьешь со мной? Налей себе тоже.

Тот не стал заставлять долго себя упрашивать. Молодые люди познакомились, и непринужденная неторопливая беседа потекла под коньячок как-то сама собой. Бармена звали Виталием. Когда доверие достигло необходимого уровня, он спросил у Арсения:

– Я видел вас вчера. Тебе Вика понравилась?

– Ну да, понравилась, – не стал отпираться Козырев.

– Она хорошая девчонка, симпатичная. К тому же вполне доступная. Хороший вариант, как раз погулять на отдыхе. Так что ты давай, смелее, не теряйся!

Арсений брезгливо скривился, немедленно расплатился и пошел домой. Он не любил подобных разговоров. Не то чтобы он поверил, но все же на душе остался неприятный осадок, который слегка окутал мутным серым туманом совсем еще молодое, только-только зарождающееся чистое и нежное чувство.

Молодые люди начали встречаться и много времени проводили вместе. Если Вика не работала, то приходила к ребятам на пляж или сопровождала их на различных экскурсиях и прогулках. Вечерами за редким исключением они оставались вдвоем. Гуляли под звездным южным небом, ходили в рестораны или клубы. Боря с Антоном продолжали охоту за новыми знакомствами уже без поддержки старого приятеля. Охота шла с переменным успехом, но в целом неплохо. Иногда друзья собирались в каком-нибудь популярном заведении все вместе: Арсений с Викой, а ребята с очередными своими новыми знакомыми.

Козырева всегда удивляло, что в ресторанах его южная подруга заказывает всегда то же самое, что и он сам. Сначала воспринимал это как случайность, потом решил, что Вика таким образом демонстрирует ему идентичность вкусов. В конце концов он не выдержал и прямо спросил ее об этом. Девушка смутилась, но потом честно призналась: ей неудобно, что за нее все время платят. У нее самой лишних денег не было, а постоянная диета слишком бросалась бы в глаза. Поэтому и заказывала такие же блюда, логично полагая, что, раз Арсений может

позволить это себе, то может купить то же самое и для нее. Молодого человека очень тронула столь искренняя скромность и простота.

В конце первой недели отдыха с Козыревым на пляже произошел небольшой казус. Оса, которая решила полакомиться сладким напитком одновременно с Арсением, не захотела мириться с конкуренцией и укусила его в губу. От сего смачного «поцелуя» губа сильно напухла, и появляться в таком виде в обществе стало просто неприлично. А ведь вечером он собирался встретиться с Викторией! Не желая отменять приятное свидание, юноша решил пригласить девушку в гости. «Раз уж так сложились обстоятельства, – рассуждал он, – придется накрыть небольшой столик на двоих, а друзья передадут Вике, что молодой человек ждет ее у себя дома». Он все приготовил для красивого романтического ужина, но злосчастная опухоль исчезла к вечеру без следа! С точки зрения девушки, все выглядело бы так, будто он хитростью заманил ее к себе. Козырев не желал допускать подобных предположений, пусть даже и гипотетических, поэтому решил честно ей все объяснить. В конце концов, он совершенно не виноват, должна же она понять! И коль уж так получилось, не пропадать же с такой любовью приготовленному застолью.

Вика, как всегда, обрадовалась встрече, а вот Арсений заметно волновался. До этого, конечно же, у него были женщины, и все же искушенность его в данном вопросе не превышала нескольких более или менее продолжительных романов. С первой своей любовью он вместе учился в школе. Бурный роман, который начался в выпускном классе средней школы, продолжался потом еще целый год в университете. Затем произошел довольно болезненный разрыв. За ним последовало несколько коротеньких, непродолжительных отношений, которые так и не переросли во что-то более серьезное. В довершение сексуальной истории парочка случайных связей на отвязных студенческих вечеринках – вот, собственно, и весь его небогатый опыт общения с женщинами. Науке он явно уделял гораздо больше внимания.

После некоторых сомнений он все же набрался смелости и запинаящимся голосом произнес:

– Меня сегодня в губу укусила оса.

– Сочувствую, а так незаметно, – Вика внимательно осмотрела его лицо.

– Да, сейчас все прошло, но я думал, что не пройдет, поэтому и накрыл скромный столик у нас дома. Согласись, будет обидно, если все это пропадет. Быть может, ты согласишься пойти ко мне?

– А где Боря и Антон?

– Гуляют, как всегда.

– Значит, мы будем там одни? – девушка явно заволновалась.

– Ну да, тебя это смущает?

– Знаешь, давай лучше просто погуляем, мне бы не хотелось идти к тебе, – ответила она после некоторой паузы.

Арсений расстроился. И не потому даже, что срывалась предполагаемая близость, на которую он, чего скрывать, так или иначе рассчитывал, просто он всегда очень плохо переносил отказы. Если вероятность отрицательного ответа становилась неоправданно высокой, он обычно предпочитал вовсе не делать предложения или не просить об услуге. Причиной являлось его гипертрофированное самолюбие, которое сейчас как раз и уязвили довольно болезненным образом.

Вика обняла его за шею и, с трудом дотянувшись, крепко поцеловала в губы. Потом долгим проникновенным взглядом посмотрела в его глаза:

– Не обижайся, хорошо? – и снова поцеловала.

Но приготовленная закуска не пропала даром. Вечером, а на самом деле уже поздно ночью, вернувшись домой после свидания с Викой, Арсений обнаружил там настоящий праздник и веселье. Антон и Боря познакомились с тремя заводными незакомплексованными дев-

чонками, и после дискотеки, ресторана и ночного купания вся компания в полном составе завалилась к ним в гости. На полную мощь играла музыка, вино текло рекой. Нового участника встретили громогласными восторженными восклицаниями и моментально втянули в общий кутеж.

К моменту возвращения Козырева пары уже успели образоваться, и вскоре друзья разбрелись по комнатам вместе со своими избранницами. Арсений поневоле остался наедине с Настей, высокой, эффектной, довольно стройной блондинкой с пышными формами. По возрасту, пожалуй, чуть старше его. Не красавица, но внешне приятная. Арсений все еще оставался практически трезвым, а вот вся компания уже давно пребывала в приличном подпитии. Опустошив еще бокал, Настя включила приятную медленную музыку и пригласила молодого человека на танец.

Они танцевали, тесно прижавшись друг к другу. Сквозь свежий запах моря Арсений явственно ощущал легкий приятный аромат дорогого французского парфюма, но букет винного перегара, грубо вмешиваясь, внезапно перебивал очаровательное благоухание. Эта неожиданная перемена запаха отражала в чем-то состояние души молодого человека. Нежные, трепетные чувства, которые он испытывал по отношению к Виктории, пытались противостоять естественному, но грубому природному желанию. Девушка, которую крепко обнимали его руки и сквозь тонкую ткань ощущало его тело, была волнующе соблазнительна и доступна. Однако в душе его еще не успели угаснуть или хотя бы немного притупиться впечатления от недавней романтической прогулки с действительно нравившейся ему женщиной.

Настя подняла голову, еще сильнее обхватила его шею руками, еще теснее прижалась к нему большой грудью и поцеловала в губы. Юноша всем телом ощутил ее страстную дрожь и неимоверное сексуальное вожеление, но запах алкоголя вновь стал доминирующим, разом заглушив все прочие ароматы и естественный мужской инстинкт. Он мягко отстранил девушку, сказал «Извини...», достал из дивана подушку и поспешно ретировался на лоджию.

* * *

Регулярные посиделки, которые традиционно устраивали у себя старшие Козыревы, можно было со всей смелостью и определенностью называть «встречами без галстуков». Опуская второй, переносный смысл избитой фразы, тоже, впрочем, в полной мере присутствовавший, встречи эти обычно проходили не только без галстуков, но и без пиджаков и даже временами без рубашек. Все дело в том, что родители Арсения из года в год, приблизительно в одно и то же время, приглашали своих давних, старинных друзей на вареники с вишней и черникой. Традиция повелась еще с тех давних аспирантских, или даже студенческих времен, когда лишние деньги в наличии отсутствовали, а стол уж очень хотелось украсить небанальным и вкусным угощением. И до сих пор к Козыревым приходили участники еще тех, самых первых, неформальных раутов, некогда организованных спонтанно молодоженами для дружного научного братства.

Вареники, как с вишней, так и с черникой, представляют из себя блюдо, предъявляющее повышенные требования к культуре употребления. И все же, как бы ты ни старался, полностью исключить появление насыщенных, красноречивых и стойких отметин на твоем гардеробе невозможно. Поэтому надежнее всего поглощать их в такой одежде, с которой потом, ежели что, не жалко будет расстаться, ибо нечего и пытаться отстирать полученные в ходе еды пятна. А пятна эти, как я уже сказал, обычно появляются в изобилии. Только что приготовленные вареники выглядят на общем блюде так аппетитно, а предвкушение к моменту их извлечения из кастрюли достигает столь невероятных высот, что первые партии, поданные на стол, уничтожаются едоками моментально. Яркие сладкие брызги горячего сока из недр вареника разлетаются под яростным напором голодных ртов в совершенно непредсказуемых

направлениях. Так что, даже если ты сам прилагаешь максимум усилий, чтобы не испачкаться, нет никаких гарантий, что тебя не накроет выстрелом какого-нибудь особо ретивого соседа слева или справа. А бывало и так, что цели достигал снайпер, расположившийся и на более значительном удалении. Особенно в голодные студенческие времена.

За долгие годы подобных встреч сложился целый набор различных традиций, которые, однажды появившись, продолжали впоследствии выполняться с дотошной скрупулезностью. Самой первой из них стало обязательное активное участие всех гостей в изготовлении вареников. Этот процесс, как, собственно, и употребление готового блюда, тоже предъявлял весьма демократичные требования к одежде. Нонночка, а позднее Нонна Алексеевна, готовила тесто, раскатывала его скалкой в тонкий широкий блин, который нарежала затем на ровные кружочки. Павел Тимофеевич закупал и подготавливал ягоды. Прибывающие гости раздевались до рубашек, иногда – до маек, заматывали остальную одежду полотенцами, надевали передники – в общем, защищались разнообразно каждый по своему усмотрению, рассаживались вокруг круглого стола и приступали к величайшему таинству.

Нонна Алексеевна сполна продемонстрировала гостям руководящую жилку своего сильного, практически мужского характера. И вместе с тем чисто по-женски, легко и непринужденно, с присущими ей обаянием и коммуникабельностью вдохновенно управляла процессом. Еще в юности друзья часто шутили, что с такими способностями организовать процедуру приготовления кушанья, в которую вовлекались все, даже самые ленивые и нерадивые гости по принципу «не можешь – научим, не хочешь – заставим!», для нее не составит никакого труда организовать вообще абсолютно любую работу. Впоследствии, наблюдая ее уже в роли руководителя крупного научного коллектива, старые друзья часто умиленно усмехались, улавливая знакомые нотки распоряжений и методы нематериального стимулирования еще с вареничного опыта.

В этом году длительное пребывание Козыревых в своей новой квартире в Крыму внесло некоторые коррективы в традиционную встречу. Поскольку ее не удалось провести в ягодный сезон, сбор перенесли на сентябрь. Учитывая этот факт, вместо свежих ягод в качестве начинки пришлось использовать замороженные. В остальном же традиции свято соблюдались.

Кроме Козыревых старших присутствовали уже знакомый нам Евгений Михайлович Малахов; давнишний друг и коллега Павла Тимофеевича еще по самому первому месту его работы Петр Степанович Бурлак; институтский приятель и сосед по общежитию Козырева-старшего Владимир Петрович Николаев с супругой, Любовью Федоровной; а также коллега Козыревых по их зарубежным поездкам, врач-хирург Иван Иванович Платонов. Впервые в вареничных посиделках принимал участие коллега Нонны Алексеевны, профессор соседней кафедры того же университета Илья Кондратьевич Русак. Несмотря на долгое знакомство, они по-настоящему сдружились лишь на последнем новогоднем банкете. Обнаружив в Илье Кондратьевиче схожий образ мышления и общность интересов и посоветовавшись между собой, Козыревы решили допустить его в узкий круг старинных друзей.

Невзирая на тот факт, что нового участника предупредили о неформальном характере встречи, он, вероятно, недооценил всю степень предполагаемой свободы общения и явился в строгом дорогом костюме.

Нонна Алексеевна встретила его со всем присущим ей радушием и гостеприимством, засыпав прямо с порога целым градом вопросов:

– Илья Кондратьевич, дорогой, как хорошо, что вы наконец-то добрались! Как нашли, не заблудились ли? А то мы уже переживали. Давайте цветы, Пава, поставь их в вазу. Что же вы так официально? Ведь я же говорила вам! Ну что ж делать, ладно, ничего, мы что-нибудь придумаем. Надеюсь, вы умеете лепить вареники?

Вновь прибывший гость слегка опешил от столь восторженной встречи, но сумел сохранить самообладание, разулся и с готовностью проследовал за хозяйкой. К его удивлению, они пришли не в гостиную, а прямо на кухню. Там вокруг большого круглого стола уже сидели пять

человек, сплошь облаченные в майки или футболки. На некоторых были кухонные передники, кое у кого на ногах лежали полотенца. У Евгения Михайловича на голове красовалась элегантная поварская шапочка. Каждый из них с головы до ног уже успел перепачкаться мукой. Одна лишь только Любовь Федоровна все еще оставалась более-менее чистой. Сказывалась природная женская аккуратность и большой опыт в различной стряпне.

На столе расположились в ряд несколько разделочных досок, на которых ровными рядами лежали уже готовые вареники. Большие миски с ягодами делили поваров на две импровизированные команды: команду «черничников» и команду «вишняков». Даже не заглядывая в миски, можно было определить принадлежность каждого к той или иной команде по характерному цвету пальцев рук. Нонна Алексеевна на соседнем маленьком столике готовила тесто: раскатывала его в большие лепешки и специальной формой вырезала идеально круглые заготовки. После этого заготовки порциями перемещались на место готовых вареников, которые, в свою очередь, складировались возле кухонной плиты, подготовленные к варке. Процесс был явно поставлен на поток, импровизированный конвейер работал четко. Один только Павел Тимофеевич не вовлекался в общую суету. Он занимался подготовкой праздничного стола, изредка появляясь на кухне, чтобы взять посуду или отнести готовые блюда.

Русак был буквально шокирован. Нет, за свою долгую жизнь он, конечно, попадал в ситуацию, когда хозяйева не успевали полностью накрыть стол до прихода гостей, но чтобы их столь бесцеремонно использовали в качестве кухарок, да еще в таком, чуть ли не промышленном, масштабе, наблюдать ему доселе не приходилось. Его моментально раздели, потом снова одели, но уже во что-то попроще. Оставшиеся части дорогого костюма замотали какими-то полотенцами и вовлекли в процесс с эдакой невероятной быстротой, что тот едва ли успел хоть что-то сообразить, когда Любовь Федоровна уже наглядно демонстрировала ему основные принципы изготовления качественного вареника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.